

Г.М. Зеленская
«СКАЗАНИЕ ОБ ОСВЯЩЕНИИ
ВЕЛИКОЙ КАМЕННОЙ ЦЕРКВИ»
В ВОСКРЕСЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ НОВОГО ИЕРУСАЛИМА
18 ЯНВАРЯ 1685 г.

Аннотация: Статья посвящена «Сказанию» об освящении «великой церкви» Воскресения Христова, возведенной под Москвой по образу храма Гроба Господня в Иерусалиме. Этот письменный источник никогда не был предметом специального изучения. Наша работа рассматривает его в церковно-историческом и художественном контексте. Характеризуются монастырские сооружения 1680-х гг., прослеживается развитие их семантики и символики, затрагиваются вопросы авторства «Сказания». Установлено, что создателями убранства Воскресенского собора были резчики, столяры, иконописцы и другие мастера церковного искусства из Оружейной палаты, Золотописной мастерской Посольского Приказа, Иверского Валдайского и Воскресенского монастырей. Уделяется внимание благотворителям Нового Иерусалима: правительнице царевне Софии Алексеевне, царевне Татиане Михайловне и главе Посольского приказа князю В.В. Голицыну. Приводится перечень участников освящения «великой церкви»: царского синклита и духовенства, определяется их отношение к Патриарху Никону и его иконическому творчеству. Анализируется царский указ о составлении «будущим на память родом» Описи Воскресенского монастыря. В результате исследования «Сказание» предстает летописной хроникой важнейшего церковно-государственного события времени регентства царевны Софии. Документ свидетельствует о стремлении восстановить симфонию духовной и светской властей в России и сохранить их историческое преемство. Освящение «великой церкви» предшествовало знаковым духовным и политическим событиям: заключению «Вечного мира» с Речью Посполитой и подчинению Киевской митрополии Московскому патриарху. Завершение строительства соборного храма Нового Иерусалима утвердило Великую, Малую и Белую Россию как духовно единый центр Вселенского Православия.

Ключевые слова: «Сказание» об освящении «великой церкви» Нового Иерусалима, регентство царевны Софии Алексеевны, церковное убранство Воскресенского монастыря по Описи 1685 г.

Galina M. Zelenskaya

**TALE OF THE CONSECRATION OF THE GREAT STONE CHURCH
IN THE RESURRECTION MONASTERY OF NEW JERUSALEM
JANUARY 18, 1685**

Abstract: The article examines the *Tale* about the consecration of the “great church” of the Resurrection of Christ, erected near Moscow in the image of the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem. This written source has never been the subject of special study; this work represents it in a church-historical and artistic context. The monastic buildings of the 1680s are characterized, the development of their semantics and symbolism is traced, the questions of the authorship of the *Tale* are touched upon. It is established that the creators of the decoration of the Resurrection Cathedral were carvers, carpenters, icon painters and other masters of church art from the Armory, the Gold-Painting Workshop of the Embassy Order, the Iversky Valдай and the Resurrection monasteries. Attention is paid to the benefactors of the New Jerusalem: the ruler, Princess Sofia Alekseevna, Princess Tatiana Mikhailovna and the head of the Embassy Order, Prince V.V. Golitsyn. The list of participants in the consecration of the “great church” is given: the royal synclite and the clergy, their attitude to Patriarch Nikon and his iconic work is determined. The author analyzes the royal decree on the compilation of a detailed Inventory of the Resurrection Monastery “in memory of descendants.” As a result of the research, the *Tale* appears as a chronicle of the most important church-state event of the regency of Tsarevna Sofia. The document testifies to the desire to restore the symphony of the spiritual and secular authorities in Russia and preserve their historical continuity. The consecration of the “great church” preceded significant spiritual and political events: the conclusion of “Eternal Peace” with the Polish-Lithuanian Commonwealth and the subordination of the Kiev Metropolia to the Moscow Patriarch. The completion of the construction of the cathedral church of the New Jerusalem established Great, Small and White Russia as a spiritually unified center of Universal Orthodoxy.

Keywords: *Tale of the Consecration of the Great Stone Church* of New Jerusalem, regency of Tsarevna Sofia Alekseevna, church decoration of the Resurrection Monastery according to the Inventory of 1685.

«Сказание» об освящении «великой церкви» Воскресения Христова в «обители Нового Иерусалима» впервые было издано архим. Леонидом (Кавелиным) [54, с. 65–70]. Ученый отметил, что событие, о котором повествует текст, «описано сходно как во вкладной книге, так и в особой статье» [54, с. 65]. Имелась в виду статья в составе

рукописного сборника конца XVII в. из библиотеки Воскресенского монастыря, куда включены церковный Устав обители, составленный архим. Никанором (1686–1698; † после 1704) и другие материалы, в том числе текст, где «описано торжественное освящение соборной церкви в 1685-м году» (л. 10 об. — 12, 34–49), и «подробное описание соборной церкви и ее придѣлов» (л. 49 об. — 68) [40, № 17, с. 79].

Публикация «Сказания» в 2004 г. по рукописи, хранящейся в РНБ [58, с. 780–782], свидетельствует о распространении списков данного текста. Один из них входит в Сборник (Ad 10) рукописного собрания гимназии в г. Вестеросе, принадлежавший шведскому ученому XVII в. Иоганну Габриелю Спарвенфельду [37, с. 470–471, 473–474].

Вопросы истории, авторства и редакций «Сказания» заслуживают специального исследования; наши замечания на эти темы носят предварительный характер. Цель работы — комплексное изучение повествования, что предполагает:

- воссоздание церковно-исторического контекста «Сказания»;
- расширение его информационного пространства комментариями об упоминаемых сооружениях Воскресенского монастыря и особенностях плановой структуры «великой церкви»;
- реконструкцию персонального состава участников торжеств: царской семьи, духовенства, синклита; выявление их связей с Патриархом Никоном и его творениями;
- сравнение «Сказания» с другими источниками об освящении Воскресенского собора: жизнеописанием Первосвятителя, составленным Иоанном Шушериным [52] и стихотворным Летописцем архим. Никанора [5, с. 143–193].
- выводы о значимости для Церкви и государства освящения соборного храма Нового Иерусалима 18 января 1685 г.

Царский путь в Новый Иерусалим

«Сказание», как и записи Вкладной книги о посещении Воскресенского монастыря московскими государями, представляет собой хронику события. Текст начинается с даты, перечня имен и титулов царственных участников торжеств; указано место дорожной остановки. Согласно источнику, царскую семью в этой поездке возглавлял

старший из двух правивших тогда государей — Иоанн Алексеевич¹, о чем свидетельствуют и Дворцовые разряды [46, стб. 321]. Младший царь Петр Алексеевич² на освящении Воскресенского собора не присутствовал, как, вероятно, и его мать, вдовствующая царица Наталия Кирилловна. Кроме царевны Татианы Михайловны³, «Сказание» упоминает далее царевну Софию Алексеевну⁴; другие члены женской половины семьи Романовых по именам не названы. Царицы — это, по-видимому, Марфа Матвеевна⁵, вдова государя Феодора Алексеевича⁶, и Прасковья Феодоровна⁷, супруга царя Иоанна Алексеевича.

Сооружение в Воскресенском монастыре «великой церкви» по образу храма Гроба Господня в Иерусалиме имело к 1685 г. свою историю. Строительство, начатое в 1658 г. под руководством Патриарха Никона (1605–1681) и доведенное до сводов, прервалось низложением Первосвятителя на Большом Московском соборе 1666–1667 гг. и его ссылкой в Ферапонтов, а затем — Кирилло-Белозерский монастырь. Работы возобновились в 1679 г. по указам государя Феодора Алексеевича, чьи преемниками в деле завершения храма предстают, согласно «Сказанию», царь Иоанн Алексеевич и правительница София Алексеевна.

Знаменательно, что новорожденная София была крещена в Успенском соборе Кремля 4 октября 1657 г., когда Божественную литургию

¹ Царь Иоанн Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича (†1676) и его первой жены Марии Ильиничны, урожденной Милославской (†1669); род. 27.08.1666, † 29.01.1696; царь с 26.05.1682 г.

² Царь Петр I, сын царя Алексея Михайловича и его второй жены Натальи Кирилловны, урожденной Нарышкиной (1651–1694); род. 30.05.1672, † 28.01.1725, царь с 27.04.1682 г.

³ Царевна Татиана Михайловна, сестра царя Алексея Михайловича; род. 1636, † 24.08.1706.

⁴ Царевна София Алексеевна (в монашестве Сусанна, в схиме София), дочь царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской; род. 17.09.1657 г.; в 1682–1689 гг. — правительница при младших братьях Иоанне и Петре. † 03.07.1704.

⁵ Царица Марфа, урожденная Апраксина; в браке с 15.02. по 27.04.1682 г. † 31.12. 1715.

⁶ Царь Феодор Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской; род. 30.05.1661, † 27.04.1682; царь с 30.01.1676 г.

⁷ Царица Прасковья, урожденная Салтыкова; в браке с 9.01.1684 г. по 29.01.1696 г. † 13.10.1723.

совершал Патриарх Никон: он благословил «государыню царевну животворящим крестом», а затем причастил ее [45, с. 283–284]. Царевич Иоанн получил от Первосвятителя после своего крещения драгоценный дар: икону «Глава св. Иоанна Предтечи» с частью крови Крестителя Господня. Образ святого, тезоименитого новорожденному, был создан в Воскресенском монастыре; историческую «летопись» с датой 28 сентября 1666 г. сопровождает духовное наставление будущему царю и завершает истолкование его имени, означающее «Господня милость и дар, и милосердие» [21, с. 498].

В начале «Сказания» Воскресенский монастырь назван обителью Нового Иерусалима. Согласно же Дворцовым разрядам, самодержец «изволил с Москвы итти в обитель живоноснаго Христова Воскресения, что на рѣкѣ на Истрѣ» [46, стб. 321]⁸. Это семантические разночтения. Воскресенский монастырь Нового Иерусалима, как называл свою обитель Святейший Никон, именовался в связи с постановлением Собора 1666–1667 гг. монастырем Воскресения Христова, «что на Истре»⁹. Московский Патриарх обвинялся тогда в том, что он, «устроая новые монастыри, обаче с неподобающими славами и суетными именованьми, Новым Иерусалимом нарицаая и Голгофою, Вифлеемом и Иорданом, ругаяся божественным и глумяся святым» [65, № 53, с. 183]. С тех пор агиотопонимы подмосковной Палестины в официальных документах не упоминались и даже выскабливались из вкладных надписей, как, например, в тексте по листам служебной Миней на сентябрь (М. 1636 г.), вложенной царевной Татианой Михайловной в 1660 г. в основанный Патриархом Никоном Новодевичий монастырь, «нарицаемый Вифания», о чем свидетельствует теперь только надпись на оборотной стороне переплетной доски: «Из девича монастыря из Вифании» [40, № 62, с. 204]. Тем интереснее рассмотреть обозначенный в «Сказании» путь царской семьи из Москвы к Новому Иерусалиму в иеротопическом аспекте.

Поездка совершалась по «большой Саввинской дороге» с остановкой в дворцовом селе Павловском [54, с. 63]. Речь идет о южной ча-

⁸ Цитаты из рукописных и печатных источников приводятся по правилам Трудов Отдела древнерусской литературы. Конечные буквы «ер» и «ерь» (ъ, ь), «и десятиричное» (і) опускаются, но оставлена буква «ять» — ѣ.

⁹ Название «Новый Иерусалим» было возвращено Воскресенскому монастырю именным указом императрицы Елизаветы Петровны в 1748 г.

сти Русской Палестины, которая осмыслялась Патриархом Никоном как символический образ Святой Земли к югу от Иерусалима. При выборе места для строительства Воскресенского монастыря особую значимость имела агитопонимика этой части Подмосковья, расположенной на расстоянии 22 верст от царского богомоля — Саввино-Сторожевского Рождества Пресвятой Богородицы монастыря. Большую Саввинскую дорогу пересекал по оси восток-запад тракт, параллельный Волоколамскому. Он вел из Москвы в Онуфриев монастырь через село Павловское с храмом Благовещения Пресвятой Богородицы¹⁰. Близ пересечения этих путей находилось село Рождественно-Петровское с церковью Рождества Христова, купленное Патриархом Никоном в 1658 г. у боярина Ю.П. Буйносова-Ростовского. В топографии святых мест Русской Палестины оно символизировало Вифлеем. Паломничество из Москвы через село Павловское знаменовало земной путь Спасителя от Воплощения и Рождения Сына Божия до событий Страстной седмицы. С южной дороги открывался вид на холм Елеон, где Патриархом Никоном был устроен в 1658 г. Новодевичий монастырь, «нарицаемый Вифания», с церковью Входа Господня в Иерусалим [54, с. 119–124; 50, № 1537, с. 50]. Царевна Татиана Михайловна делала вклады в эту обитель¹¹.

К западу от Елеонского холма возвышается в Новом Иерусалиме холм Сион с монастырем Воскресения Христова. В 1685 г. его ограда, возведенная в 1664–1665 гг., была деревянной. На южном прясле стены поднималась между башнями домовая церковь в честь Трех святителей над кельями Патриарха Никона, освященная им в 1665 г. В Старый Иерусалим паломники входили обычно через южные ворота, о чем повествует «Хождение» игумена Даниила [69, с. 26]. Патриарх Никон это учитывал: Трехсвятительская церковь, поставлен-

¹⁰ Село Павловское принадлежало боярину Б.И. Морозову (1590–1661), воспитателю юного Алексея Михайловича, возглавлявшему после его воцарения (1645) несколько приказов и заседавшему в Боярской думе. Он был женат на родной сестре царицы Марии Ильиничны и до конца своей жизни пользовался расположением государя и Патриарха Никона, который во время его болезни в 1661 г. предлагал в письме к царю в случае кончины боярина похоронить его в Воскресенском соборе Нового Иерусалима [31, с. 395].

¹¹ Монастырь после 1666 г. был переименован в «Воскресенский Истринский», а затем упразднен.

ная на «городовую стену», напоминала о месте дома пророка Давида в Иерусалиме, а южный путь в Новый Иерусалим осмыслялся как путь царский. Южная проезжая башня вела к главному южному входу в храм Воскресения Христова, и венчал ее «прапор» с образами свв. равноап. Константина и Елены. К южному фасаду собора примыкала наружная лестница в церковь Воздвижения Креста Господня на Голгофе, где свв. Константин и Елена были изображены еще раз, на двух иконах по сторонам Распятия, вместе с предстоящими Кресту царем Алексеем Михайловичем, царицей Марией Ильиничной, царевичем Алексеем Алексеевичем и коленопреклоненным Патриархом Никоном [75, л. 15 об. — 16; 6, стб. 49–50].

Первосвятитель созидал Воскресенский монастырь как царское богомолье, и государь Феодор Алексеевич восстановил это значение обители. Когда освобожденный из заточения монах Никон скончался 17 августа 1681 г. на пути в Новый Иерусалим близ Ярославля, царь возглавил его погребение в храме Воскресения Христова под Голгофой. Похороны представляли собой 10-часовое действо, совершавшееся в сакральном пространстве Русской Палестины — полисемантического иконотопоса, организованного «по принципу священной топографической иконичности как образ небесного Первообраза и земного прототипа» [28, с. 225]. Местом действия были холмы Сион и Елеон, расположенные на расстоянии около 1 км друг от друга, а также два освященных Патриархом Никоном придела в северной и южной части собора. Богослужebные чинопоследования сменялись многолюдными шествиями с крестами, иконами, хоругвями и гробом Первосвятителя, — внутри и вне монастыря и строящегося храма. Порядок передвижений предполагал их смысловую согласованность с символикой топографии, топонимики, зодческих образов и святынь сакрального пространства, уже имевшего собственный мартирологий¹². Погребение Патриарха Никона вписало в него новую главу и стало знаковым событием для самодержца, призванного исцелить вред, нанесенный Первосвятителю и его творению предыду-

¹² В 1664 г., когда умер иподиакон Никита Никитин, заключенный под стражу за передачу Святейшему Никону писем от боярина Никиты Зюзина, призывавших его вернуться в Москву, Патриарх «срте его, яко мученика, внѣ монастыря со кресты и внесе в монастырь» и «погребе его своима рукама, под лѣствицею, иже на святую Голгофу» [52, с. 49].

щим царствованием. Государь Феодор, создатель Нового Иерусалима в Теремном дворце [11, с. 64–65; 33, с. 53–63], был, несомненно, одним из составителей программы погребения схимонаха Никона. Царский замысел в Кремле — это иеротопический проект, в котором традиционное оформление церковных интерьеров сочеталось с вынесенными за их пределы пространственными образами Святых мест Распятия и Воскресения Христова, воспроизводившими иконографию, зодческие особенности и, вероятно, меру первообразов. Стремление к семантической полноте святынь отражают сведения о том, что, кроме плащаницы, на погребальное ложе Спасителя возлагались «риза и сударь» Христовы [51, с. 57–58]. Влияние иконического творчества Патриарха Никона на проекты царя Феодора бесспорно; знаменательно и участие в их воплощении резчика монаха Ипполита — насельника Воскресенского монастыря, постриженника и бывшего келейника Первосвященника.

Возобновление строительства «великой церкви», погребение низложенного Патриарха по архиерейскому чину под Голгофой, где в храме Гроба Господня захоронен, по преданию, первосвященник Мелхиседек [60, с. 161], создание образов Святой Земли в Кремле и получение в 1682 г. разрешительных грамот Святейшему Никону от Восточных Патриархов стимулировало всестороннее осмысление иеротопических замыслов Первосвященника и способствовало сохранению евангельской топонимики Нового Иерусалима. Об этом свидетельствует «Сказание», где говорится, что «встречал Великаго государя, прошед крест каменной за слободою, Боярин Петр Васильевич Шереметев» [54, с. 65].

Лаконично изложенные факты требуют комментариев. Первый из них относится к П.В. Шереметеву, которому в 1684 г. именным указом Великих государей было велено в Приказе сыскных дел «Воскресенской монастырь и к нему приписные монастыри строенъм и всякими промыслами <...> и вотчинные крестьяне во всяких дѣлах <...> вѣдать» [54, с. 722–723]. Этот боярин, не единожды упоминаемый в «Сказании», являлся в процессе завершения строительства Воскресенского собора «оком государевым», и его деятельность на этом поприще ждет своих исследователей. Вторую тему для комментариев представляет «крест каменной за слободою». Имеется в виду водруженный к востоку от Святых врат монастыря Елеонский Крест

с надписью, известной по Описи 1685 г. [74, л. 219 об.] и не раз привлекавшей внимание исследователей [1, с. 271–278; 4, с. 295–299; 15, с. 181–184; 14, с. 233–237]. Эта историческая «летопись», знаменующая единомыслие «к начинанию обители» царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона, приписывала самодержцу наименование Воскресенской обители Новым Иерусалимом. Ныне данный текст интерпретируется в результате научных дискуссий как произведение, созданное учениками Патриарха Никона с целью обосновать царской волей правомерность агиотопонимики монастыря и его окрестностей [3, с. 810–811].

Основные вехи истории Еленского Креста — знаковые. Он упоминается Иоанном Шушериным при описании отъезда Первосвященителя из обители на Собор в Москву 30 ноября 1666 г. Насельники провожали Патриарха Никона до Креста, где он, сотворив молитву, подал им «благословение и прощение» [52, с. 55]. Неизвестно время создания первого Креста (возможно, деревянного), но нет сомнений в том, что он изначально почитался как поклонный и памятный. Первое значение соответствует традиции паломнического поклонения Святому Граду с Елеона, откуда открывается панорама восточной части Иерусалима. По словам игумена Даниила, «на той горѣ ссѣдают с конь вси людие <...> и покланяются святому Въскресению на дозорѣ граду» [69, с. 24–26]. В Новом Иерусалиме у Елеонского Креста останавливались путники, шедшие в Воскресенский монастырь с юга и востока. Н. Витсен, посетивший Патриарха Никона в мае 1665 г., отметил, что «в его Иерусалим русские люди приходят уже на богомолье» и что вокруг обители находятся «Вифлеем, Кана, гора Олифетум, сад Гефсиманский и т. д. На некоторых [здесь] стоит только крест, на других — часовня» [44, с. 182]¹³. К Елеонскому Кресту был принесен 26 августа 1681 г. гроб с телом схимонаха Никона. Крестный ход с Сиона на Елеон совершался с пением стихиры праздника Входа Господня в Иерусалим: «Днесъ благодать Святаго Духа нас собра...» [52, с. 107]. Торжественное шествие символизировало крестный путь Патриарха Никона, напоминая о его с царем «собинной дружбе» и о его проходах на суд земной. Вместе с тем оно знаменовало шествие правды

¹³ Возможно, Н. Витсен называет часовнями сельские приходские церкви в окрестностях Воскресенского монастыря.

Божией, когда «Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче» (Пс. 84: 12) [61, с. 114 первого счета], и было напоминанием о грядущем суде Божиим.

События конца 1670-х — начала 1680-х гг. дают представление о многослойных пластах семантики Нового Иерусалима и об использовании их царем Феодором в Кремле¹⁴. Этот этап истории монастыря был прерван в 1682 г. кончиной государя и воскресенского настоятеля архим. Германа. Строительство «великой церкви» завершалось под руководством новых самодержцев и нового священноначалия обители.

Прибытие в монастырь царской семьи. Воскресенский настоятель архим. Никифор

«Сказание» сообщает о встрече государя Иоанна Алексеевича в Святых вратах монастыря «по чину» и отмечает, что он изволил идти в «новую великую соборную каменную церковь», где был у гроба Патриарха Никона, а затем отправился «в свои Государские хоромы». Царицы и царевны, тоже встреченные «по чину» во Святых вратах, слушали в «Предтеченской церкви» у гробницы Святейшего Никона вечером, после чего «пошли в свои, Государские, хоромы» [54, с. 65–66].

Чин встречи царской семьи, приезжавшей в Новый Иерусалим на богомолье, изложен в церковном Уставе обители [54, с. 460–461]. «Сказание» не останавливается на его деталях, но упоминает священноначалие монастыря: архим. Никифора, строителя старца Сергия и казначея (без имени).

Архим. Леонид (Кавелин) называет о. Никифора автором «Сказания», указывает время его управления монастырем — с июля 1683 по январь 1686 г. — и отмечает: «Откуда взят на Настоятельство, неизвестно» [54 с. 128]. Добавим, что неведомы ни дата кончины, ни место погребения архимандрита. Он не мог быть давним насельником Нового Иерусалима, поскольку монах с таким именем отсутствует как в перечне братии 1679 г. [6, стб. 58–60], так и среди иноков, подписавших в 1681 г. челобитную царю Феодору о возвращении из

¹⁴ Характерно, что царь Феодор в собственноручном послании к Патриарху Никону в Кириллов монастырь писал: «...ваша честность да вѣсть, что, надѣясь на Бога, преведение твое не умедлит быти, и имаши обитати сам в Новом Иерусалимѣ...» [54, с. 759].

ссылки Патриарха Никона [2, с. 80–81]. Вместе с тем известно письмо архим. Никифора властям валдайского Иверского монастыря от 23 октября 1684 г. Особенности лексики сближают это послание с «отпиской» наместника обители иером. Дионисия настоятелю архим. Зосиме в январе 1682 г.:

Письмо архим. Никифора. Октябрь 1684 г.	Отписка иером. Дионисия. Январь 1682 г.
«Пречистныя и великия обители пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодѣвы Марии, честнаго и славнаго ея Одигитрия, и святаго и праведнаго Иакова, Боровицкаго чудотворца, тоя обители духовному настоятелю и пастырю Христова стада словесных овец, господину священноархимандриту Иосифу <...> обители святаго Живоноснаго Христова Воскресения архимандрит Никифор, строитель старец Сергей, казначей иеромонах Варлаам с братиею, о вашем душеспасительном пребывании и тѣлесном здравии Бога моля, челом бѣем» [38, № 347, стб. 867].	«Пречистые Богородицы пречестныя и великия обители Иверскою государю всечестнѣйшему отцу нашему архимандриту Зосимы, твоя честная паствы намѣстник иеромонах Дионисий с братею, благословения твоего всечестнѣйшаго отца и пастыря нашего прося, и Бога моля челом бѣем. Даруй тебѣ <...> Господь Бог и пресвятая Его Богоматерь благополучное пребывание, вкупѣ же и тѣлесное здравие <...> Всечестнѣйший господине, <...> дом пресвятыя Богородицы <...> заступлением святаго праведнаго Иакова <...> строица...» [38, № 310, стб. 853–854].

Обе эпистолы называют Иверский монастырь *великой обителью*, упоминают *св. прав. Иакова* как ее заступника, именуют настоятеля *господином* и *пастырем*, желают ему *душеспасительного/благополучного пребывания* и, *моля Бога* о его *тѣлесном здравии*, *челом бѣют* (курсив мой. — Г.З.). Возможно, этикетные совпадения обусловлены не только деловыми, но и личными связями архим. Никифора с Иверским монастырем. К этому вопросу мы вернемся позже, а пока отметим, что текст его послания интересен сведениями об «иконостасной работе» в Новом Иерусалиме иверских мастеров:

В прошлом во 192 году, по указу великих государей <...> взят от вас из монастыря рѣзных дѣл мастер старец Иоасаф, да с ним бѣлец столляр Иван Миронов, и присланы к нам во обитель ко иконостасной работѣ [38, № 347, стб. 867]¹⁵.

¹⁵ «Резных дл мастер» впоследствии тоже вернулся в Иверский монастырь: старец «Иасаф» значится в именной переписи братии обители 1689 г. [38, № 358, стб. 887].

В Новом Иерусалиме к освящению «великой церкви» было создано два иконостаса: для главного алтаря и для церкви Воздвижения Креста Господня на Голгофе. Письмо архим. Никифора свидетельствует о том, что царское попечение над завершением строительства храма, воспринятое после кончины государя Феодора в 1682 г. юными самодержцами Иоанном и Петром, осуществлялось на всех этапах подготовки собора к освящению. Это означает деятельное участие в процессе правительницы Софии. Укажем на готовность царевны к такому преемству. Она любила и почитала брата Феодора, видела созданные им образы Нового Иерусалима в Кремле. София Алексеевна посещала Воскресенский монастырь вместе с царской семьей 5 сентября 7187 (1678) г. и 18 сентября 7189 (1680) г., участвовала в погребении Патриарха Никона, а также приезжала в Новый Иерусалим 11 сентября 7191 (1682) г. с царевной Татианой Михайловной: они молились на Голгофе, где совершалась Божественная литургия, и у гробницы Святейшего Никона, где служилась панихида [54, с. 32–34, 63–64]. 30 ноября того же года в монастырь поступило панихидное серебряное блюдо с гравированным по борту титульным именем царя Алексея Михайловича и с «летописью» на оборотной стороне о том, что оно отдано по указу государей Иоанна и Петра из серебряной палаты в Воскресенский монастырь за серебро, взятое в 1679 г. из обители «на церковные дела» [30, с. 197–198]. Этот «обменный» вклад, посвященный памяти отца правящих государей, не мог быть сделан без участия царевны Софии, ставшей 29 мая 1682 г. правительницей при малолетних братьях.

В 1683 г., когда развернулись работы по созданию иконостасов для «великой церкви», Новый Иерусалим посетил царь Иоанн Алексеевич с царевнами Татианой Михайловной, Софией Алексеевной и Марфой Алексеевной. Правительница хорошо знала архим. Германа, назначенного настоятелем Воскресенского монастыря по воле государя Феодора, и вряд ли оставалась безучастной к выбору его преемника. Обитель с 1677 г. находилась в ведении Приказа Большого дворца, а с 1679 г. — Государевой Мастерской палаты [54, с. 125]; в ситуации регентства решающее значение при смене монастырского священноначалия имело мнение как Патриарха Иоакима, так и царской семьи, в первую очередь — правительницы Софии. Первосвяtitель, по-видимому, не желал избрания нового настоятеля

из числа учеников Патриарха Никона, занимавших начальствующие должности в Воскресенском монастыре, и предпочел кандидатуру со стороны, способную, однако, удовлетворить всех. Таким стал архим. Никифор, «взятый», возможно, из насельников Иверского монастыря. Сознавая недостаточность аргументов для идентификации, упомянем в качестве гипотезы старца Никифора Евдокимова, мастера книгопечатного дела, работавшего в Иверской типографии. В 1665 г. «друкарь» Никифор вместе с соборным иером. Феодосием, бывшим игуменом Буйницкого монастыря¹⁶, сопровождал обоз с типографским оборудованием, отправленным по указу Патриарха Никона в Новый Иерусалим [42, с. 383–384]. Старца Никифора знал, несомненно, Патриарх Иоаким, в прошлом — насельник Иверской обители, а в 1672–1674 гг. — митрополит Новгородский, в чью епархию входил монастырь после ссылки своего основателя. Отметим в качестве прецедента, что в 1673 г. валдайский келарь Сильвестр (Черницкий) был назначен настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря — любимого царского богомолья.

Иверские мастера участвовали в завершении строительства Воскресенского собора с лета 1680 г., когда по указу царя Феодора из Валдая в Новый Иерусалим отправился слуга Иван Белозеров, «который в прошлых годѣх был в Воскресенском монастырѣ у каменного подвязного и у водовозного дѣла» [38, стб. 845–846].

Связи с Ивером поддерживала и царевна София, чему способствовала ее близость к московской Смоленской Новодевичьей обители, населенной при Патриархе Никоне белорусскими старицами, вышедшими из женского Успенского Кутейнского монастыря. В 1670–1680-х гг. их окормляли духовники из иверских монахов [36, с. 279–280]¹⁷. Правительница продолжала благотворительные деяния царя Феодора, жалую Новодевичьему монастырю вклады, которые расширяли его вотчинные владения, пополняли ризницу и библиотеку [71, с. 216–229]. В 1683–1685 гг. по заказу царевны Софии создавался новый иконостас Смоленского собора. В его местный

¹⁶ В 1669–1679 гг. архим. Феодосий был настоятелем Иверского монастыря.

¹⁷ Духовники Новодевичьего монастыря поддерживали связи с Ивером: иером. Дорофей (Миневич; †1677) и сменивший его иером. Макарий (Батюшкович; †1689) участвовали в выборах архимандритов Иверского монастыря и в других делах.

ряд вошла икона Господа Вседержителя с припадающими св. Иоанном Предтечей и св. ап. Петром, написанная изографом Симоном Ушаковым [63, № 50, с. 240–241]. Иконография этого образа (1683 г., 171x102 см) близка иконе Господа Вседержителя с припадающими свт. Филиппом, митрополитом Московским, и Патриархом Никоном (1657 г., 137x87 см) из местного ряда иконостаса «церкви, именуемой Голгофа», в Новом Иерусалиме [6, стб. 45–48; 26, с. 190–196]. Симон Ушаков, писавший и ранее аналогичные иконы, в данном случае выполнял, вероятно, заказ правительницы Софии, сделанный вскоре после венчания Иоанна и Петра на царство. В выборе образца тоже прослеживается преемственность: государь Феодор особо почитал икону Спасителя на Голгофе, о чем свидетельствует хранившаяся в «ризной казне» Воскресенского монастыря иконографическая редкость:

Дщица серебряная бѣлая, на ней вырѣзано Спасов образ, в молении Феодор Стратилат, да у Спасова же образа в подножии в молении: с правую сторону Филип Митрополит да персона Святѣйшаго Никона Патриарха [54, с. 261].

Резьбу иконостаса Смоленского собора выполняли белорусские резчики, судьбы многих из них были связаны с Патриархом Никоном, Иверским и Воскресенским монастырями [43, с. 238–251]. Письмо архим. Никифора 1683 г. свидетельствует, что мастера этой художественной традиции участвовали и в создании иконостасов для «великой церкви» Нового Иерусалима. Учитывая сказанное, выбор настоятеля Воскресенского монастыря из старшего поколения Иверских насельников представляется вполне возможным, тем более что в 1681 г. вышел указ государя, повелевающий приписать Иверский монастырь к Воскресенскому. Этому воспротивились валдайские насельники, и по их челобитной царь Феодор «велел Иверскому монастырю быть особь статьею по-прежнему» [32, с. 443]. Идея соединения обитателей в один духовный и административно-хозяйственный организм исходила, как предположил П.В. Седов, от воскресенского архим. Германа, но следует добавить, что она была обусловлена позицией Патриарха Никона, который и в ссылке заботился о судьбе своего Иверского детища [31, с. 476, 559].

Архим. Никифор с января 1686 г. в документах не упоминается; вероятно, он был в преклонных летах и скончался год спустя после освящения Воскресенского собора. «Сказание», составленное им или с его участием, следовало монастырской традиции ведения летописи посещений Нового Иерусалима царской семьей. У истоков использования жанра исторической хроники для фиксации особо значимых для обители событий стояли с конца 1670-х гг. ученики Святейшего Никона. Вершиной этого направления в творчестве книжников Нового Иерусалима стал стихотворный Летописец, созданный архим. Никанором, преемником архим. Никифора. Упомянутые в «Сказании» строитель Сергей и казначей Варлаам, постриженники и последователи Патриарха Никона, были деятельными помощниками и верными сподвижниками трех настоятелей: Германа, Никифора и Никанора [16, с. 92–96; 13, с. 238–240].

Сооружения Воскресенского монастыря

Архитектурный ансамбль обители в январе 1685 г. выглядел таким, каким оставил его Святейший Никон в 1666 г., за исключением деревянных построек, возведенных после начала работ по завершению строительства «великой церкви». Монастырская деревянная ограда описана в 1679 и в 1685 гг., вторая Опись фиксирует иконописное убранство главного входа в обитель. На восточной проездной шатровой башне находился образ Воскресения Христова греческого письма, в треугольном киоте; в Святых вратах был установлен Деисусный чин из десяти икон; со стороны монастыря над воротами помещались образы Пресвятой Богородицы («дцка штилистовая») и Воскресения Христова («дцка шти листовая ж, писаны на золоте» [74, л. 189, 193 об.; 29, с. 453]. Иконографическую программу оформления Святых врат обусловило отсутствие надвратной церкви. Башня, подобно колокольне, была часовой и служила «казенным амбаром», где хранились резные деревянные формы для изразцов и готовые керамические изделия. Между тем Опись 1875 г., составленная архим. Леонидом (Кавелиным), в «Краткой летописи» надвратной церкви Входа Господня в Иерусалим сообщает, что она упоминается с 1685 г. [73, л. 331]. Эта информация повторена и в публикациях ученого, где он ссылается на антиминос, однако указывает только год, без числа и месяца освящения престола. Вероятно, церковь была устроена в надвратной башне

вскоре после освящения Воскресенского собора, когда начался новый этап строительной истории обители, который мог развивать семантику замыслов Патриарха Никона или, соблюдая решение Большого Московского Собора, предать их забвению. Предстояло упразднить престол Воскресения Христова в деревянном храме и решить судьбу его самого. При Патриархе Никоне эта обширная церковь «с трапезою, и с келарскою, и служнею, и с папертью» [75, л. 3–10; 54, с. 192], представляла собой многофункциональный комплекс, обеспечивавший богослужебную и хозяйственную жизнь монастыря. В середине же 1680-х гг., когда число братии стремительно возрастало, а слава о «великой церкви» привлекала все больше паломников, стояла задача дифференциации монастырских сооружений. Это предполагало не только устройство надвратной церкви, но и возведение Трапезных палат со своим храмом, а также замену большинства деревянных построек каменными.

Первым шагом в данном направлении стало освящение престола в честь Входа Господня в Иерусалим. Знаменателен факт следующего после января 1685 г. посещения монастыря семьей Романовых: 15 мая в обитель прибыли царь Иоанн Алексеевич с царицей Прасковьей Феодоровной, царевнами Татианой Михайловной и Софией Алексеевной [54, с. 145]. Именно они решали дальнейшую участь своего богомолья. «Новодевичий монастырь, нарицаемый Вифания», был к тому времени упразднен, и посвящение надвратной церкви свидетельствует о стремлении сохранить первоначальную полноту топонимики Нового Иерусалима, повторив ее внутри ограды Воскресенской обители, где Святые врата топографически соответствуют Золотым вратам Святого града.

«Сказание», последовательно излагая хронику событий, отмечает, что 17 января царицы и царевны слушали утреню в деревянной церкви Воскресения Христова, а государь — «у себя в хоромех, гдѣ жил Святѣйший Патриарх Никон» [54, с. 66]. Ранее в тексте дважды упоминаются «Государские хоромы», и создается впечатление, что это одно и то же сооружение, однако в данном фрагменте текста автор уточняет: государь остановился в хоромех Святѣйшего Никона.

Сведения о патриарших палатах, примыкавших к южному пряслу монастырской ограды и утраченных во время пожара 1726 г., содержит Опись 1679 г. [75, л. 178–178 об.], частично опубликованная архим. Ле-

онидом [54, с. 151], и Опись 1685 г., которая сообщает о патриарших палатах более подробно [74, л. 224 об. — 225; 29, с. 457]. Над «городовой стеной» и верхними патриаршими кельями возвышалась, как упоминалось ранее, домовая церковь, освященная в честь Трех святителей в 1665 г. Перед хоромами, согласно Описи 1679 г., находился

пруд копаной, около пруда забрано в столбы забором <...>; у пруда ворота об одном затворе, покрыты тесом; возле нижних келей и близко городской стѣны был огород, а нынѣ тот огород и пруд заросли травой, и в прудѣ воды нѣтъ [54, с. 151–152].

Опись 1685 г. о пруде не сообщает, однако подробно фиксирует «Государские хоромы»:

В монастыре ж здѣланы деревянные хоромы к пришествию великих государей с приходу идучи на монастырь на лѣвой сторонѣ против колоколни, а в них строения двѣ комнаты, поставлены порознь на жилых подклѣтках, мѣж тѣх комнат двои сѣни перегорожены, на рундук сход один, и с обѣих хором позади в верхних и в нижних житьях сѣни отхожие и переход к городу, перед сенми передними крыльцо, и с того крыльца на нижней рундук лѣсница, а позади сходная лѣсница, покрыты тѣсом, печи в них ценинныя обращатые с проводными трубами, двери и окна здѣланы по столярскому, во всѣх окнах окончины слюдяные болшие, у дверей петли и замки простые полской работы [74, л. 224].

Это был первый в Новом Иерусалиме царский дворец, возведенный в первой половине 1680-х гг. к югу от Воскресенского собора, что подтверждают раскопки, проведенные на данной территории в 2009–2011 гг. Институтом археологии РАН [7, с. 59–60].

Более ранние сооружения у южного прясла «городовой стѣны» обозначены на плане монастыря конца 1670-х — начала 1680-х гг. [69]. В 1685 г. там, кроме царских хором, находилась новая (или обновленная) столярная мастерская, представление о которой дает Опись 1685 г.:

(Л. 226 об.) Двѣ келии с сенми болшие покрыты тѣсом, поставлены к городу подле Патриарших келей, з болшими красными окнами, покры-

ты тѣсом, а в них строен иконостас и всякие резные и столярные дѣла, и ныне живет в них резных дѣл мастер (л. 227) иеродиакон Иппалит и мастеровые люди, в них станки и снасти внесены столярные Ипполитова ж заводу [74, л. 226 об. — 227].

По-видимому, именно этот комплекс построек «Сказание» называет в соответствии с его статусом «Государевыми мастерскими» [54, с. 69]. Старец Ипполит, работавший в Теремном дворце, оставался, как и прежде, насельником Воскресенского монастыря и в последней трети XVII в. слыл искуснейшим московским резчиком. Он, вероятно, не только присутствовал на торжествах освящения Воскресенского собора, но и участвовал как иеродиакон в первых богослужениях, совершавшихся в главном алтаре «великой церкви».

Приезд Патриарха Иоакима «с властью». **Освящение «великой церкви»**

«Сказание», сообщив о прибытии в монастырь государя и царской семьи, обращается к приезду 17 января, перед литургией, духовенства во главе с Патриархом Иоакимом. Поименно, с краткими титулами, названы архиереи: митрополит Сарский и Подонский Варсонофий (Чертков), архиепископ Вологодский и Белозерский Гавриил (Кичигин), архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий (Любимов). Без имен упомянуты архимандриты, игумены, патриаршие клирошане, приказные и домовые люди.

Встречал Первосвященителя «у монастыря, за святыми вороты», боярин П.В. Шереметев, во вратах — «Воскресенский архимандрит со священницы» и «строитель с братиею». «Стан» Патриарха был «в монастырской вотчинѣ, в селе Черневѣ» [54, с. 66]. Текст хроники дополняет Книга Казенного приказа, где сказано о присутствии Святейшего Иоакима на Божественной литургии в деревянной Воскресенской церкви и уточняется, что «послѣ литургии столовое кушанье было в строительных кельях» [59, с. 152–153]. Цитируемые источники интересны двумя обстоятельствами. Во-первых, в приказной записи наименование «Новый Иерусалим» отсутствует, используется формула «Воскресенский монастырь, что на Истре». Во-вторых, Святейший Иоаким с духовенством отправились в Русскую Палестину западным путем, по Волоцкой дороге через село

Чернево на реке Бане¹⁸, где находилось подворье Воскресенского монастыря. Этим путем ездил обычно Патриарх Никон, и в его жизнеописании отмечено, что «по новопрозованию Святѣйшаго Патриарха нарицашеся тогда село то Назарет» [52, с. 56].

Это название знаменовало на западном направлении от Москвы начало пути по Святым местам Нового Иерусалима, — подобно южному пути, начало которого символизировала церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в селе Павловском. Топографическое соответствие топонимики Нового Иерусалима евангельским Святым местам начиналось далее, на расстоянии 4–5 верст от Воскресенского монастыря и повторялось еще раз в ближних (1–2 версты) окрестностях обители, северная часть которых символизировала Галилею. Там находилось, наряду с Фавором и Капернаумом, и село Назарет с церковью, куда Патриарх Никон ходил из монастыря 16 февраля 1658 г.: «слушал вечерни и пожаловал священнику 2 гривны» [59, с. 143]¹⁹.

Состав высшего духовенства, участвовавшего в освящении Воскресенского собора, — тема для специального исследования. Исторические источники позволяют говорить о почитании этими архипастырями Святейшего Никона и о влиянии на их деятельность его иконического творчества. Заметим, что среди «приказных и домовых людей», сопровождавших Патриарха Иоакима, мог быть старец Паисий Сийский, возглавлявший в 1676–1694 гг. Патриарший Казенный приказ²⁰. Род инока Паисия записан в двух синодиках Воскресенского монастыря: Патриарха Никона и архим. Никанора [40, № 65, с. 116; № 67, с. 124–125]²¹.

Накануне освящения храма в нем обычно служится пред алтарем при затворенных царских воротах и закрытой алтарной завесе малая вечерня и всенощное бдение. В Воскресенском монастыре это совершалось в двух местах. Царевна София «слушать изволила всенощное

¹⁸ Ныне территория микрорайонов Чернево-1 и Чернево-2 в г. Красногорске Московской обл.

¹⁹ 17 февраля Патриарх Никон был по-прежнему в монастыре, следовательно, ближний Назарет находился в его окрестностях, в отличие от дальнего в Черневе.

²⁰ Отсутствие имени старца Паисия в «Сказании» предположительно можно объяснить тем, что этот смиренный инок отказывался принимать духовный сан и участвовал в освящении Воскресенского собора как простой монах.

²¹ ГИМ. Воскр. бум. 65, 67.

в новой каменной великой соборной церкви одна». Служил Холмогорский архиеп. Афанасий, «на правом крылосѣ пѣли Государевы пѣвчие, а на лѣвом крылосѣ Воскресенскаго монастыря крилошане». Великому Государю, царицам, царевнам и Патриарху «был выход» в деревянную теплую Воскресенскую церковь, где «пѣли Патриаршии пѣвчие» [54, с. 66].

Примечательно, что царскую семью представляла в «великой церкви» правительница, Великая Государыня София Алексеевна — одна. Это соответствовало ее иерархическому положению и значению ктитора монастыря. Именно царевне Софии предстояло 18 января вынести решение о дальнейших строительных работах в обители. Тема обсуждалась в царской семье давно²², и теперь следовало окончательно утвердить семантику новых каменных сооружений в Новом Иерусалиме.

Накануне столь значимых событий царевна молилась в храме, убранство которого, подобно песнопениям, звучащим на утрени в канун Великого освящения храма [68, л. 382 об. — 404 об.], были пронизаны Пасхальной радостью и возводили ум к Иерусалиму дольному и горнему:

Свидѣнія сѣнь Христос показа, и божественный Моисей на земли водрузи, и храм обновляет Соломон в жертвах: мы же к новому Иерусалиму, вѣроу прибѣгающе, Давидски дадим божественное воспѣвание... [68, л. 385].

От Дѣвы Христос слава и свѣтъ возсия, тѣмже свѣтися, свѣтися новый Иерусалиме, и обновляйся днесь, яко воскресение всѣм нам обновляеши.

Обновляйся, обновляйся новый Иерусалиме, прииде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсии. Сей дом Отец созда, сей дом Сын утверди, сей дом Дух Святой обнови, просвѣщай, и утвержай, и освѣщай души наша [68, л. 388].

Эти песнопения знаменовали торжество идей Патриарха Никона и словно подтверждали, несмотря на запрет именовать обитель Но-

²² Архим. Леонид (Кавелин) на основе Вкладной книги полагал, что посещение Нового Иерусалима царевнами Татианой Михайловной и Софией Алексеевной 11 сентября 1682 г. было связано с выбором места для сооружения теплого храма Рождества Христова [54, с. 144].

вым Иерусалимом, необходимость продолжать каменное строительство в монастыре «по чину Иерусалимскому».

«Сказание» перечисляет все основные действия, совершавшиеся в храме Воскресения Христова 18 января: благовест во все колокола; освящение воды настоятелем монастыря; приход «со всѣм Освященным Собором» Патриарха Иоакима и его облачение «на своем, святительском, мѣсте», в одежды, «к потребѣ освящения святыхъ церкви»²³; приход цариц и царевен. Они «стояли на своих, Государских, мѣстах за запоны тафтяными», когда Первосвятитель велел Протодиакону начинать чин освящения церкви; тогда же «пришествие было в церковь Великому Государю» [54, с. 66–67]. «В дѣйствѣ», совершаемом в алтаре при закрытых Царских вратах, «трудился Святѣйший Патриарх и с ним Архiereи». Согласно Требнику, это включало: устройство престола (святой трапезы); омовение и помазание его; облачение престола и жертвенника.

Центральная часть Воскресенского собора, представляющая собой храм с четырьмя подкупольными столпами и большой главой, была отделена от алтаря высоким, до сводов, 12-ярусным иконостасом. Среди церкви находилось Патриаршее место «с степенями», обитое зеленым английским сукном. Значительную часть храмового пространства занимали три царские места и, симметрично им, — «место Патриарше» [54, с. 237]. Эти величественные сооружения, украшенные резьбой, росписью, иконами в серебряных окладах и дорогими тканями, были знаковыми для убранства собора: они представляли Новый Иерусалим и его «великую церковь» как ставропигию и царское богомолье.

Автор «Сказания» не излагает чин освящения храма. Вслед за упоминанием о «действиях в алтаре», он переходит к описанию крестного хода. Патриарх с духовенством, царь с синклитом и «всенародным множеством» направились с хоругвями и крестами в деревянную Воскресенскую церковь, где, взяв святые мощи, вернулись «тем же путем до южных церковных дверей», откуда началось шествие вокруг

²³ Архипастырь, совершающий освящение храма, поверх архиерейских одежд «облагается плащаницею», т. е. длинным, от груди до ног, белым защитным передником. Особенности этого облачения, описанные в Требнике 1680 г., описаны в изданном при Патриархе Никоне Требнике 1658 г. [67, с. 866–867].

храма «против солнца». Патриарх Иоаким нес на главе дискос со святыми мощами, архиеп. Гавриил кропил святой водой стены трехчастного собора: подземной церкви свв. равноап. Константина и Елены (на востоке)²⁴, Кафоликона (в центре)²⁵, ротонды Гроба Господня (на западе) и примыкающей к ней с юга колокольни. Затем участники крестного хода вошли южными воротами в храм и направились «на левую сторону, за столп, двором церковным, и стали от западных столпов, гдѣ изображен Гроб Господень, отвѣтъ дѣйствовать» [54, с. 67].

«Двором церковным» именуется здесь внутреннее пространство ротонды. Шествие остановилось у Кувуклии Гроба Господня («предгробии Христовом»), обратившись лицом на восток, к закрытым завесой внутренним, между ротондой и Кафоликоном, воротам, перед которыми были возложены на специальную подставку Крест, Евангелие и дискос со святыми мощами. Чинопоследование, совершаемое у врат, означало «отвѣтъ дѣйствовать», а завесы врат назывались «отвѣтными» в соответствии с содержанием 23 псалма. Патриарх при молитвословиях у закрытых врат дважды возглашал: «Возмите врата князи ваши, и возмיתесь врата вѣчная, и внидет Царь славы» (Пс. 23: 9).

Певцы в ответ пели: «Кто есть сей Царь славы?» (Пс. 23: 10).

Патриарх читал молитвы, знаменовал дискосом со святыми мощами крестообразно врата и произносил в ответ вопрошающему хору: «Господь сил, Той есть Царь славы» (Пс. 23: 10).

Певчие повторяли: «Господь сил, Той есть Царь славы» [61, с. 29 первого счета].

Завеса врат открывалась, и Патриарх со св. мощами входил в Кафоликон.

Свт. Афанасий Великий истолковывает этот псалом как пророчество о Вознесении Христовом, совершившемся для того, чтобы «и нам вознестись в Нем и войти в небесные врата», которые Он

²⁴ Подземная церковь с местом Обретения Креста Господня возводилась в строительный период 1680–1684 гг. При Патриархе Никоне для этого храма успели только вырыть котлован под фундамент, где открылся источник. Его вода питала первоначально два кладезя внутри «земляной церкви», главный престол которой был освящен 12 сентября 7199 (1690/1691) г.

²⁵ Термин «Кафоликон» используется нами по аналогии с храмом Гроба Господня в Иерусалиме.

отверз за нас и которые сотворены Им как Создателем вечного [62, с. 196–197, 326].

В «Сказании» перечислены все действия у врат Кафоликаона:

Святѣйший Патриарх кадил по обычаю пред отвѣтными завѣсами Крест Христов, и Святое Евангелие, и священныя мощи, и святыя образы, Царя, а потом Цариц и Царевен, и вкруг всеа церкви, и чин священный с прочими входящими, и по каждении творил отвѣт, и по отвѣтѣх, вшед во святую соборную церковь, начали часы говорить, и совершать Божественную литургию по чину [54, с. 67].

Информационная полнота источника вызывает вопрос об отсутствии сведений о том, мощи каких святых были вложены в престол «великой церкви». Ответ находим в монастырской Описи 1685 г., где в перечне ризной казны значатся:

В ковчежцѣ мощи разных Святых, нынѣ тѣ мощи послѣ освящения церкви поставлены за печатью Святѣйшаго Патриарха Иоакима; а что против прежней описки, сколько каких мощей взято ко освящению великой церкви, и кому и где отдано, того, сказал Ризничий, не вѣдает и запечатать итить не смѣет [54, с. 246].

Неизвестно, ведал ли об этом настоятель монастыря архим. Никифор; мы можем лишь констатировать, что история «великой церкви» XVII–XIX вв. умалчивает о святынях в ее престоле. Более доступны для интерпретаций семантические связи чина освящения храма с убранством Воскресенского собора, которое в ценных композициях и надписях на «святых вещах» воплощало образы Царствия Небесного, Иерусалима Горного, — парадигму иконического творчества Патриарха Никона. Тему Вознесения Христова, доминирующую в «отвѣтном дѣйствии», отражают мотивы раппорта в архивольтах арок. Композиция, составленная из двух изразцов, изображает херувима между облаками с нисходящими от них пятью лучами, и «окрыленный виноград» в виде контура короны с крестом, несомой двумя парами крыльев. В центре венца-короны — крупная виноградная гроздь, по сторонам — две малые. Представлен символично-метафорическая образ Вознесения Христова, интерпретируемый как вос-

хождение Спасителя на Небеса вместе с праведными душами, испу-
щенными Его Кровью [19, с. 126–133]. В творениях Святых Отцов
этот образ основан на Евангельских словах Господа: «Аще Аз возне-
сен буду от земли, вся привлеку к себе (Ин. 12: 32).

Свт. Кирилл Туровский на основании слов псалмопевца «И взыде
на Херувимы, и лете, лете на крилу ветреню» (Пс. 17: 11) полагает, как
и свт. Афанасий Великий, что это выражение изображает Вознесение
и что возносящийся Господь «имел с Собой и души человеческие, ко-
торые вознес на небеса в дар Своему Отцу и поселил в горнем граде»
[70, с. 212]. В Новом Иерусалиме аналогичные изразцы использова-
ны в архивольтах аркады Кувуклии Гроба Господня, опирающихся на
колонки с изобразительными образами Евхаристии. Семантика рап-
порта знаменует в данном случае завершение Божественной литур-
гии, когда возглас священника: «Вознесися на небеса, Боже, и по всей
земли слава Твоя» звучит «в напоминание о телесном Вознесении Го-
спода нашего Иисуса Христа и о будущем вознесении нас, обóжен-
ных, в Царствие Небесное» [34, с. 153–154]. Композиция символизи-
рует «превысшее небо», где пребывают праведники и где «Господь Бог
освещает их» (Отк. 22: 5).

Такие же изразцы использованы в западных порталах Предте-
ченского и Архангельского приделов, оформленных, по-видимому,
в 1680–1685 гг., когда внутреннее пространство собора разделяли «пре-
грады церковные» — невысокие стенки с дверными проемами, обрам-
ленными керамическими порталами [18, с. 144–154]. Преграда между
ротондой и Кафоликоном имела «великие врата» с завесой, пред кото-
рыми в Великую Субботу останавливался Пасхальный крестный ход,
совершаемый внутри храма. Монастырский церковный Устав конца
XVII в. сообщает, что после возглашения положенных молитвословий:

«поет архимандрит вышним гласом: “Христос воскрес из мертвых,
смертию смерть поправ”, и отверзает завесу, сущую во вратѣх», после чего
«со священники и с прочими входит в великую церковь, преди <...> пою-
щей братии: “И сущим во гробех живот дарова”» [54, с. 453].

Тексты «Сказания» и Устава, раскрывающие богослужебное зна-
чение «великих врат» Кафоликаона, позволяют предположить их мас-
штабное и художественное выделение из дверных проемов других

«преград церковных». Возможно, великолепный перспективный изразцовый портал, украшавший первоначально «великие врата», сохранился в обрамлении южных врат Голгофской церкви, куда он был перенесен в XVIII в. [19, с. 36–37, 158–159, 214–215].

Для периода завершения строительства «великой церкви» характерно стремление расширить духовно-просветительское значение храма с помощью новых текстов. К 1685 г. в стены внутри собора были вмурованы 48 белокаменных плит с резными надписями, цитировавшими «Проскинитарий» иером. Арсения (Суханова), что позволяло богомольцам соотнести внутреннее пространство «великой церкви» Нового Иерусалима с ее первообразом на Святой земле [20, с. 145–182]. Автор «Сказания», сообщив о начале совершения в главном алтаре собора первой Божественной литургии, замечает, что Патриарх Иоаким указал архиеп. Афанасию «помазывать святым миром по стѣнам и по столпам окрест всеа великия церкви» и он «святым миром помазывал по устроенному восходу, от нижняго помосту церковнаго в высоту вящши двюю сажень, в познание всѣм людем» [54, с. 67–68]. Помазание стен и столпов миром знаменует освящение храма благодатью Божией, и это деяние, совершенное архиереем на высоком помосте, было действительно видимо «всѣм людем».

Визуализация метафор Священного Писания и богослужебных текстов, воплощенная Патриархом Никоном в зодческих образах и убранстве собора, оказала решающее влияние на формирование ансамбля обители и агиотопоники его престолов в период настоятельства архим. Никанора. Этому способствовали царственные ктитории Нового Иерусалима. Согласно «Сказанию», 18 января, после литургии,

Великая Княжна София Алексѣевна, по намѣрению своему, изволила ходить вкруг всеи каменная новоосвященныя церкви, и против церковной задней стѣны изволила мѣсто указать, к задним монастырским воротам, гдѣ строить впредь церковь с трапезою теплою каменною, и службы по чину Иерусалимскому [54, с. 68].

Речь идет о выборе места для корпуса Трапезных палат с храмом Рождества Христова. Причастность к их возведению царевны Татианы Михайловны документирована монастырским Летописцем архим.

Никанора и стихами иером. Кариона Истомина [5, с. 182, 332–337], но тем значительнее свидетельство «Сказания», связывающее с именем правительницы Софии идею создания в этом комплексе «служб по чину Иерусалимскому». В системе святых мест Воскресенского монастыря трапезный храм символизирует Вифлеем; в его первом ярусе был устроен в XVIII в. святой вертеп, предполагавшийся изначально. Это подтверждает планировка церкви, расположенной перпендикулярно анфиладе трапезных палат, на одной оси с Кувуклией Гроба Господня. Пещера Рождества Христова находилась напротив Пещеры Его погребения и Воскресения из мертвых, воплощая святоотеческое толкование ясель Богомладенца как прообраза погребального ложа Спасителя.

Трапезный и надвратный храмы образуют в планировке монастыря архитектурную рифму, указывая на духовную связь между пришествием в мир Спасителя и Его шествием в Иерусалим на вольную смерть ради искупления человечества. Церкви Рождества Христова, Входа Господня в Иерусалим и собор Воскресения Христова создают семантико-символический образ Святой Земли в центре ландшафтно-топографического образа Русской Палестины [12, с. 191]. Основными средствами выражения этой идеи служили в конце XVII в. топонимика и святыни возведенных храмов, их расположение относительно «великой церкви» и друг друга. Посвящения престолов соответствовали богословскому, гимнографическому и церковно-историческому осмыслению первообразов земных и небесных.

Заключительная часть «Сказания»

Следующий фрагмент «Сказания» посвящен праздничным трапезам и подношениям, последовавшим за торжественным богослужением. Указано, в частности, что «в подношение Великим Государем указные кушание, ѣствы и питье Воскресенскаго монастыря возносил Боярин Петр Васильевич Шереметев, да Воскресенской Строитель старец Сергей» [54, с. 68]. Впервые упоминаются бояре — преимущественно царский синклит, чей состав не приводится. Поименный перечень придворной знати известен из Дворцовых разрядов:

193 году, Генваря в 15 числѣ, за час до ночи, Великий Государь Царь и Великий Князь Иоанн Алексѣевич <...> изволил с Москвы итти в оби-

тель живоноснаго Христова Воскресения, что на рѣкъ на Истрѣ, а за ним Великим Государем: бояре: князь Алексѣй Андреевич Голицын, князь Василей Васильевич Голицын, князь Петр Иванович Прозоровской, Иван Михайлович Милославской, князь Иван Борисович Троекуров, Иван Васильевич Бутурлин, Григорей Никифорович Собакин, князь Борис Иванович Прозоровской, Борис Гаврилович Юшков, Иван Тимофеевич Кондырев, Матвѣй Степанович Пушкин; околничей: Венедикт Андреевич Змѣев, Василей Савич Нарбеков, Семен Федорович Толочанов, Михайло Юрьевич Татищев, думной дьяк Данило Леонтьев сын Полянской, да столовыи и стряпчие походные по росписи. Перед Великим Государем для заимки станов: околничей Матвѣй Петрович Измайлов, из дворян Дмитрей Максимов сын Полочанинов, дьяк Леонтей Уланов. А из того походу Великий Государь изволил приттить к Москвѣ Генваря в 21 числѣ, в 8 часу дня [46, стб. 321–322].

Цитируемый источник позволяет создать «групповой портрет» светских участников освящения «великой церкви». Среди них были знатные и чиновные лица, сопровождавшие государя Феодора Алексеевича в его первой, определившей дальнейшую судьбу творения Патриарха Никона поездке в Воскресенский монастырь 5–8 сентября 7187 (1678/1679) г.: В.В. Голицын, И.Б. Троекуров, И.В. Бутурлин, И.Т. Кондырев, Г.Н. Собакин, Д.Л. Полянский [46, стб. 62–63].

В этот перечень входит и Петр Васильевич Шереметев. Отметим, что «Сказание» упоминает о находившейся «подлѣ Государевы мастерские» келье, «в которой он, Боярин, стоял» [54, с. 69]. Территориальная близость этого строения к патриаршим палатам, где останавливались цари, и к помещениям, где работали мастера церковных художеств, подтверждает участие боярина в деле завершения строительства Воскресенского собора.

Из членов царского синклита выделим Петра Ивановича Прозоровского (1644–1720) и Алексея Андреевича Голицына (1632–1694), для которых житие Патриарха Никона стало частью семейного предания. П.И. Прозоровский был женат на Анне Федоровне Ртищевой (ок. 1643–1678), дочери ближнего боярина Ф.М. Ртищева (1626–1673), поддерживавшего связи с Патриархом Никоном после его ухода с кафедры. А.А. Голицын женился на княжне Ирине Федоровне Хилковой (†1698), дочери князя Федора Андреевича Хилкова (†1657), которому

митрополит Никон спас жизнь во время Новгородского восстания 1650 г.

Лично знаком с Патриархом Никоном был М.С. Пушкин (ок. 1630–1706), чья персона в контексте генетической исторической памяти представляет особый интерес. В феврале 1660 г. он, тогда стольник, был послан царем Алексеем Михайловичем к Святейшему Никону в Крестный монастырь на Кий-острове с поручением испросить благословение на избрание нового Патриарха. Свою беседу с Первосвятителем М.С. Пушкин изложил в «Сказке», которую привез в Москву. Текст документа демонстрирует несомненное литературное дарование автора. Содержание разговора передано кратко, ясно, в нем звучат живые, богатые интонациями голоса собеседников. Сдержанная речь стольника, излагающего факты, чередуется с благожелательными развернутыми ответами Патриарха, где мягко, но определенно звучат опровержения, утверждения, риторические вопросы и, в конце, давно продуманное условие:

А будет де великий государь изволит ему патриарху быть к Москве, <...> он патриарх новоизбранново патриарха поставит и от великого государя приняв милостивое прощение и со архиереи простятся и подав всѣм благословение, пойдет в монастырь. А которые де монастыри строил он, патриарх, и тѣх бы монастырей великий государь имать у него не велѣл [48, с. 19–20].

В «Сказке» есть приписка М.С. Пушкина о том, что Святейший Никон дал ему письмо «за своею рукою», велел поднести его государю и сказал, что «опричь тово инако учинить ему, патриарху, немочно» [48, с. 19].

«Распросные речи» стольника и присланное с ним письмо читались на дворцовом заседании Московского собора 14 марта 1660 г. [53, с. 70–75]. Поручение, данное Матвеем Степановичу, было, как и другие повеления царя, исполнено им с честью²⁶.

²⁶ Должностной список М.С. Пушкина расписан по годам; перечень мест назначения включает Смоленск, Полоцк, Быхов, Киев, Астрахань, Польшу. Предок великого русского поэта был послом, воеводой, «ведал» многие приказы, заседал в Расправной палате. «В марте 1697 г. лишен боярства и всех вотчин и сослан с внуком Федором на вечную службу в Енисейск, где и умер 6 апреля 1698 г.» [9,

Современные исследователи генеалогических «хитросплетений» установили, что Федор Пушкин и Пелагея Соковнина — «прапрапрадед и прапрапрабабушка Н.Н. Гончаровой и М.Ю. Лермонтова» [35, с. 287]. В 1830 г. юный потомок М.С. Пушкина приедет в Новый Иерусалим, где увидит «образ божеской могилы <...> между золотых колонн». От «великой церкви» он пройдет к Иордану и остановится у Богоявленской пустыни Патриарха Никона, которую опишет в стихах как «готическое зданье» — «тень былых годов»:

При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участия,
Святей любви, спокойней счастья [55, с. 98].

16-летний Михаил Лермонтов не определил словами свое «чувствованье» в Новом Иерусалиме, но знал, судя по другим его стихам и несомненной генетической памяти, что именуется оно благодатью Божией.

Согласно «Сказанию», торжества освящения «великой церкви» завершились молитвами духовенства, царской семьи и синклита у гробницы основателя монастыря. Хроника, описывая богослужения вечером и утром 18–19 января, сообщает, что во второй день «изволил Патриарх пѣть большую панахиду по Святѣйшем Патриархѣ Никонѣ» [54, с. 68–69]. Книга Казенного приказа добавляет сведения о милостыни, пожалованной по указу Патриарха Иоакима священноначалию и братии обители [59, с. 153].

Далее «Сказание» описывает проводы Первосвятителя и перечисляет настоятелей монастырей и духовенство Кремлевских соборов — участников торжеств:

По Указу Великих Государей провожали Святѣйшаго Патриарха до сней Бояре за святые ворота, и Архимандрит Воскресенской с братиею об-

с. 193–194, 196, 213–214]. Причиной было участие его сына, стольника Федора Матвеевича Пушкина (†1697), в заговоре своего тестя А.П. Соковнина и полковника И.Е. Цыклера, злоумышлявших на жизнь царя Петра I. Федор Матвеевич был не повешен, как писал А.С. Пушкин в «Моей родословной», а обезглавлен.

раз, и хлѣб, и рыбу семгу Святѣйшему Патриарху и влаstem подносили во святых воротах, по обычаю монастырскому, а черных властей на освящении тое церкви были: Воскресенский Архимандрит Никифор, Спаскаго монастыря Андроньева Архимандрит Пахомий, да Знаменскаго монастыря Архимандрит Ефимий, да Воздвиженскаго монастыря Игумен Ефрем, да Новицкаго монастыря Игумен, да Успенский Протопоп Михайло, да Благовѣщенский Протопоп Меркурий, и Протодиакон Иоанн, и прочие служебницы соборныя великия церкви, и властелинския чины по обычаю были [54, с. 69].

В этом фрагменте текста особого внимания заслуживает упоминание прот. Михаила. Иоанн Шушерин изложил в «Известию» рассказ ссыльного монаха Никона о сне, в котором «Московского большого Собора Протопоп Михаил» пришел к нему доложить «во освящении нѣкоей церкви». Вдвоем они направились в каменные «краснейшие» палаты и, осматривая их, дивились «о таковом великом и прекрасном здании». Внезапно им явился «юноша благообразен зело» и на вопрос Патриарха, чье это здание, ответил: «твое суть, еже ты создал еси своим терпѣнием» [52, с. 86].

Прот. Михаил знал Святѣйшего Никона во время его пребывания на патриаршем престоле (1652–1658), был свидетелем оставления Патриархом кафедры и его возвращения в Москву (1664). Тогда он подошел к нему под благословение, за что был отстранен от совершения богослужений, но затем помилован и дожил до освящения «великой церкви» в Новом Иерусалиме.

Церковно-историческое значение освящения «великой церкви»

Воскресенский собор Нового Иерусалима уже при Патриархе Никоне был, по выражению Н. Витсена, «краса и гордость России» [44, с. 181]. В середине 1680-х гг. храм знаменовал торжество Православия. Его освящение приобретало особую значимость на фоне важнейших для духовной и светской власти событий: заключения «Вечного мира» с Речью Посполитой на условиях сохранения Киева за Россией вопреки Андрусовскому договору (1667) и подчинения Киевской митрополии Московскому Патриарху. Среди аргументов противников того и другого были следующие утверждения:

Прежде всего киевские митрополиты ставили московских митрополитов, что нынѣ патриархами; св. София в Киевѣ многими столѣтиями старѣе соборной московской церкви [36, с. 215].

В связи с этим характерны доводы царей Иоанна и Петра и царевны Софии в послании 1685 г. к Иакову, Патриарху Константинопольскому, с просьбой, чтобы Киевской митрополии быть под властью и благословением Московского Патриарха:

А то божие дѣло мы <...> изволили у вашего архипастырства с желанием просити для того, дабы впредь отступники соборные апостольские церкви, пребывающия под послушанием папезским, богоспасаемого града Киева митрополии престол к себѣ причитать, и блюстителями называться, и тамо живущих во благочестии людей на свою ересь прелщати не дерзали [41, № XXVI, с. 121].

Противостояние католикам и униатам обусловило принцип отбора надписей для «каменного путевода» по Воскресенскому собору: тексты из «Проскинитария» сообщают не только о святых местах храма Гроба Господня, воспроизведенных «зде», но и о местах, принадлежащих «тамо» католикам и армянам, или же занятых деревянными пристройками коптов и «хабежей». Параллели знаковые: «великая церковь» Нового Иерусалима предстает «очищенной» от скверны, ее первообраз, «исперепорченный» еретикми «тамо», являет «зде» свой первозданный православный лик.

Концепция надписей, предназначенных для чтения богомольцами, оформилась в начале 1680-х гг. К ее созданию в той или иной мере были причастны ученики Патриарха Никона, царь Федор, царевна София, а также, по-видимому, В.В. Голицын (1643–1714), глава Посольского приказа и, фактически, русского правительства (1682–1698). Князь присутствовал при освящении Воскресенского собора и способствовал сохранению для потомства всего корпуса храмовых надписей.

Торжества в Новом Иерусалиме открыли ряд знаменательных церковно-государственных событий. 24 августа 1685 г. на раде сената Речи Посполитой был утвержден состав польско-литовского посольства в Россию для заключения договора о Вечном мире. Русскую

делегацию возглавил В.В. Голицын, в нее входили Б.П. Шереметев и И.В. Бутурлин. Переговоры начались в конце февраля 1686 г. и длились два месяца. За ходом их пристально следила правительница София, находившаяся в соседней палате у отверстий в стене, скрытых расписным полотном. Царевна была детально осведомлена о дипломатической борьбе сторон, результаты каждой сессии переговоров обсуждались в ее присутствии на заседаниях Боярской думы. Когда выяснилось, что бояре не хотят «учинить» мира и союза с Речью Посполитой против Османской империи и Крымского ханства, Великая Государыня решила действовать самостоятельно и посредством игуменьи Новодевичьего монастыря в 1683–1689 гг. Антонины Даниловны, через ее племянника, литовского дипломата Иосифа Лядинского, передала польскому посольству свои условия договора. Предложения царевны не рассматривались, однако современные исследователи оценивают их весьма высоко [27, с. 358–359].

26 апреля 1686 г. договор о Вечном мире был подписан, Киев отошел к России. Для правительницы Софии, обостренно сознававшей ответственность за продолжение дел, начатых отцом, это было важно и потому, что Речь Посполитая через 20 лет после Андрусовского перемирия (1667) окончательно признала завоевания царя Алексея Михайловича в ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг. [29].

В июле 1685 г. собором малороссийского духовенства епископ Луцкий и Острожский Гедеон (Святополк-Четвертинский; ок. 1634–1690) был избран в храме Св. Софии митрополитом Киевским и Галицким. 8 ноября Патриарх Иоаким возвел его в Успенском соборе Московского Кремля в сан митрополита Киевского, Галицкого и всея России [56, с. 517–519]. В 1686 г. была привезена грамота Константинопольского Патриарха Дионисия IV, в которой он уступил Киевскую митрополию Московскому Патриарху.

В данном историческом контексте Воскресенский собор Нового Иерусалима, созданный «в меру и подобие» первообраза и, следовательно, восприявший его благодать, обретал значение всехристианской святыни. Это имело немаловажное значение для церковной и государственной политики России: достаточно вспомнить, что митрополит Коринфский, благословляя гетмана Богдана Хмельницкого на войну с Польшей, препоясал его мечом, освященным Иерусалимским Патриархом Паисием на Гробе Господнем.

Русская Палестина уже в начале 1690-х гг. стала крупнейшим паломническим центром; поклониться ее святыням, каноничность которых не вызывала сомнений, приезжали священнослужители из Иерусалима, насельники монастырей Афона, Сербии, Валахии и других мест Православного мира [54, с. 388–391, 393].

Воскресенский собор был освящен в период обострения борьбы с раскольниками, когда о них готовились царские «Указные статьи», принятые 7 апреля 1685 г. Жестокие меры наказания, предназначенные старообрядцам как еретикам имели не только карательный, но и охранительный смысл. Братья-самодержцы и «сестра их Великая Государыня благовѣрная Царевна София Алексѣевна» оберегали святыни от поруганий «плевелосѣятелей и хульниковъ» [39, № 284, с. 419–422].

Династия Романовых с конца 1670-х гг. являла по отношению к Новому Иерусалиму стойкость исторического преемства. Царевна София следовала не только образу канонизированной византийской царицы Пульхерии (память 10.09), но и образу своей матери, царицы Марии Ильиничны, изображенной в «великой церкви» при Патриархе Никоне предстоящей Голгофскому Кресту вместе со св. царицей Еленой. Это уподобление благодаря милости государя Алексея Михайловича присутствует и в грамоте Иерусалимского Патриарха Паисия, писавшего его супруге: «...для храма живодавнаго Гроба твое царствие явилось новой ктигориссой, <...> подобно боговѣнчанной царицѣ святой Еленѣ» [25, с. 150]. Царевна София — «новая ктигорисса» по отношению к Ново-Иерусалимскому, Новодевичьему и другим, как русским, так и восточно-христианским монастырям, — например, Синайскому, куда от имени царей Иоанна, Петра и правительницы Софии была послана в 1689 г. серебряная рака для святых мощей вмц. Екатерины [22, с. 30–44].

Патриарх Никон стремился воплотить в Новом Иерусалиме образ Святой Земли в его ветхозаветных, новозаветных и эсхатологических аспектах. Ученики Первосвятителя попечением царей Феодора и Иоанна, царевен Татианы и Софии завершили труды своего духовного отца и учителя. Не случайно в заключительной части «Сказания» снова говорится об Елеонском Кресте, до которого провожали государя и царскую семью П.В. Шереметев с дьяками Сыскного Приказа, но уже с упоминанием «надписания» на нем «о сем мѣстѣ, прозванном Новым Иерусалимом» [54, с. 69].

«Будущим на память родом...»

Освящение «великой церкви» способствовало укреплению и расширению почитания памяти ее создателя. На государственном уровне это было выражено посещением царевнами 18 января 1685 г. Богоявленской пустыни, возведенной близ Воскресенского монастыря к 1658 г. и перестроенной в 1661–1662 гг. «Сказание» отмечает, что после трапезы царевнам «был выход в пустыню, в церковь Святых Богоявлений и Святых Верховных Апостолов, гдѣ, отходя, жил Святѣйший Патриарх Никон» [54, с. 68].

Богоявленская пустынь — авторское сооружение Первосвященителя-зодчего. Оно не имеет аналогов и воплощает визуальные образы восточно-христианского столпничества в сочетании с символично-метафорическим использованием архитектурных форм, в том числе Афонской пирги. Духовные власти и царственные ктитории монастыря заботились о сохранении этого мемориального здания; его уникальные зодческие особенности были поняты и высоко оценены русскими архипастырями. Так, Тобольский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков) напоминал в 1696 г. Соловецкому архимандриту Фирсу о своем прошении «на горе Святаго Савватия, еже просторечием на Секирной вараке, построити церковь святаго Вознесения Господня, а в верху в подглавии, сиречь в шее церковной, церковь Святых Апостол Петра и Павла, по образу церкви творения Святейшаго Никона Патриарха, что на Истре на лугу у Воскресенскаго монастыря, его же нарицают Царие Новый Иерусалим, в ней же пустынке и Святейший Никон живяше» [49, ч. 3, № XXIV, с. 229].

Намерение митр. Игнатия благословил Холмогорский архиепископ, в чьей епархии находился тогда Соловецкий монастырь. Владыка Афанасий, участвовавший в освящении «великой церкви», тоже черпал идеи из творческого наследия Патриарха Никона. Он создал по образцу его герба свой личный герб, который велел написать не только «на новоманерном архиерейском судне баркалоне», но и в «соборной Преображенской церкви» [26, с. 178]²⁷. Холмогорский кафедральный Спасо-

²⁷ Изображение сопровождалось текстом: «Под гербом в клейнотѣ подписано рѣчьми и литерами латинскими прописными большими тако: “Преосвященный Афанасий, Божией милостию архиепископ Холмогорский и Важеский, первый есть трона сего”» [66, с. 113].

Преображенский собор возведен в 1685–1691 гг. попечением архиеп. Афанасия, и для исторического контекста существенно, что истоки патриаршего и архиерейского гербов восходят к гербу Киевского митрополита Петра Могилы, использовавшемуся в книжных гравюрах и, что особенно интересно, в керамическом изображении, помещенном в цокольном ярусе иконостаса Софийского собора в Киеве, воссозданного митрополитом после разорения храма униатами²⁸.

Воскресенский собор Нового Иерусалима оказал существенное влияние на церковное искусство России. Этот процесс, хорошо изученный по отношению к изразцам и, частично, к архитектуре и колокольному делу, остается перспективным для исследования других аспектов творчества Патриарха Никона и его последователей. Большой интерес представляет тема влияния надписей «великой церкви» на исторические и литургические тексты в интерьерах и на фасадах храмов конца XVII в. Значению зодчества, церковного искусства и надписей Нового Иерусалима посвящено завершающее «Сказание» извещение о царском указе составить полную опись «великой церкви». Финальная часть хроники свидетельствует о всестороннем подходе именитых современников к семантике новой святыни. Они не только использовали замысел Патриарха Никона для укрепления позиций России во внешней политике, но и стремились запечатлеть особенности его воплощения для потомства. В результате была создана монастырская Опись 1685 г. Этот бесценный источник, частично опубликованный архим. Леонидом (Кавелиным) [54, с. 222–281, 281–287]²⁹, полностью не издан, его комплексное изучение еще предстоит.

«Сказание» отмечает двухчастную структуру документа. Для составления первого в монастыре после освящения «великой церкви» были оставлены:

Государственного Посольского Приказу Подъячий Иван Иванов, да живописец Карп Иванов, а велѣно им тоя великия каменные церкви учи-

²⁸ В Киеве на выставке «Крест и сабля: Киевский Митрополит Петр Могила (1597–1647)» экспонировалась в 2014–2015 гг. «Реконструкция герба свт. Петра Могилы (1946 г., с использованием керамических фрагментов герба Петра Могилы из иконостаса Софийского собора первой половины XVII в.)».

²⁹ 1) Описание церковных строений и ризной казны; 2) Описание рукописей и старопечатных книг.

нить чертеж и мѣста всѣ описать, измѣрить подлинно, и подписание списать по мѣстам, <...> и мѣру всему снять, и что на таблицах подписано, и в подписях на колоколах вылиито, списать же, и прежний деревянный образец той церкви из Воскресенского монастыря взять и привезти к Москвѣ в Государственный Посольский Приказ, и тот чертеж подать, и образец объявить Боярину Князю Василию Васильевичу Голицыну [54, с. 69–70].

Эта часть Описи 1685 г., составителем которой был живописец Карп Иванович Золотарев [64, с. 239–246], вошла в список РГАДА [74, л. 194–205]. Текст представляет собой самостоятельный документ, задуманный, возможно, правительницей Софией и В.В. Голицыным для печатного издания, иллюстрациями в котором могли служить изображение модели храма Гроба Господня³⁰ и заказанный художнику чертеж «великой церкви». Вместе с тем, учитывая работы К.И. Золотарева в Новодевичьем монастыре, нельзя исключить его участие в создании проекта и (или) изготовлении двух иконостасов, приуроченных к освящению Воскресенского собора³¹. Весьма вероятны связи мастеров, вовлеченных в этот разносторонний процесс, с Золотописной мастерской Посольского приказа, где в то время исполнялись и другие царские заказы для «великой церкви». Так, 10 иконописцев во главе с Дмитрием Терентьевым и 3 золотописца расписывали печатное Евангелие, предназначенное для Воскресенского монастыря [24, с. 403–404]. Описание в документах Посольского приказа этой книги, переплет которой был украшен золотом с чернью, финифтью и драго-

³⁰ Модель храма Гроба Господня, привезенная из Палестины и подаренная будущему Патриарху Никону, тогда архимандриту Ново-Спасского монастыря, Иерусалимским Патриархом Паисием, хранится в Государственном историко-художественном музее «Новый Иерусалим». Она изготовлена из кипариса, инкрустирована перламутром, и, благодаря съёмной верхней части, дает представление о внутреннем объеме и планировке храма, его несущих опорах и других конструктивных особенностях. Модель наглядно убеждает о зодческом подобию «великой церкви» Нового Иерусалима прототипу.

³¹ Оба иконостаса утрачены; Голгофский был полностью заменен во второй половине XVIII в., центральный сохранился в Кафоликоне до 1941 г., его дальнейшая судьба неизвестна; иконографический состав и особенности резьбы зафиксированы Описями 1685 и 1875 гг., общий вид представлен изобразительными источниками XIX в.

ценными камнями, позволяет отождествить ее с вошедшим в Опись 1685 г. на престольным Евангелием, вложенном в обитель царевны Татианой Михайловной 4 сентября 7193 (1684) г. и хранящимся ныне в ГИХМ «Новый Иерусалим» [54, с. 225–226, 302–303; 30, с. 190–191].

История создания воскресенских иконостасов и царских вкладов данного времени документирована крайне скудно и практически не изучена. Остается открытым вопрос о судьбе «чертежа», заказанного В.В. Голицыным, требуют проверки обмеры «великой церкви», поскольку некоторые из них, указанные в Описи 1685 г., повторяют размеры храма Гроба Господня из «Проскинитария» иером. Арсения (Суханова), но разнятся с реальными параметрами Воскресенского собора. Вместе с тем Опись 1685 г. проливает свет на деятельность Государевой мастерской Нового Иерусалима, называя имена двух резчиков по дереву, работавших там под руководством иерод. Ипполита. Это мастера Оружейной палаты Антип Леонтьев и Иван Филиппов [74, л. 231; 49, с. 376, 391–392]. Указанные источники позволяют утверждать, что два деревянных иконостаса, созданных в период подготовки Воскресенского собора к освящению, были изготовлены в «Государевой мастерской», устроенной в южной части монастыря и оснащенной иерод. Ипполитом набором инструментов и станков. Здесь же находилась модель иконостаса, служившая, вероятно, образцом. В работах участвовали мастера Иверского и Воскресенского монастырей, Оружейной палаты, а также, вероятно, Золотописной мастерской Посольского Приказа.

Иоанн Шушерин сообщает о ктиторстве царевны Татианы Михайловны, которая:

устрои и иконостас великий Сницерския драгия и мудрыя работы, флемованный весь позлащенный, мѣстныя же святыя иконы и аналойныя письма драгоцѣннаго, златом и жемчугом, и каменiem драгоцѣнным украси [52, с. 115].

Из других документов известно, что в 1684 г. царевна «пожаловала на иконостасное дело» 200 золотых, которые авансом получили позолотчики [54, с. 735–736]. Опись 1685 г. дает лаконичное, но профессионально точное представление об этом уникальном произведении церковного художества:

А в той Великой соборной церкви, между первых алтарных столпов, от помоста церковного в высоту построены хитрою дверя, царския, и над ними сѣнь рѣзная вызолочена; по обѣ стороны царскихъ дверей мѣстныя иконы, и Сѣверныя и Южныя дверя, по чину церковному; а над ними праздники дванадесятныя и Деисус со Апостолы и Спасительныя Страсти, и Праотцы, и Пророки в разныхъ двѣнадцати поясахъ учинены иконостасомъ, в флемованныхъ киотахъ, съ столбцами золоченными по рѣзи, все и подорожникомъ вызолочено золотомъ краснымъ листовымъ; подъ Распятіемъ вверху клейнота прорѣзная, большая, вызолочена ж; деланъ тотъ иконостасъ и рѣзь, со всѣмъ украшениемъ самымъ добрымъ и дивнымъ строениемъ.

А у царскихъ дверей и у верхнихъ деисусовъ в поясахъ большихъ, и у местныхъ иконъ у киотовъ столбцы вызолочены жъ золотомъ, и фризъы золоченыя жъ [54, с. 222–223].

Развивая тему историческихъ сведений о царственныхъ ктиторахъ Нового Иерусалима, следуетъ отметить стихотворный «Летописецъ» архим. Никанора, текстъ котораго высеченъ на четырехъ белокаменныхъ плитахъ, установленныхъ у южныхъ вратъ Воскресенскаго собора. Данную редакцію этого памятника завершаетъ повествованіе объ освященіи «великой церкви», гдѣ повторяются сведения изъ «Сказанія», но имя правительницы Софіи не упоминается, хотя добавленъ панегирикъ царевнѣ Татианѣ Михайловнѣ. Эта тенденція перекликается съ виршами иером. Кариона Истомина «Поздравленіе похвальное царевнѣ Татианѣ Михайловнѣ», приуроченными къ освященію в Воскресенской обители Патриархомъ Адрианомъ 13 декабря 1693 г. трапезной церкви Рождества Христова [5, с. 333–336]. Стихи целиком посвящены храмоздательницѣ Татианѣ, правительницѣ Софія, избравшая мѣсто для Трапезныхъ палатъ, въ нихъ отсутствуетъ. Между темъ Иоаннъ Шушеринъ при описаніи завершения строительства Воскресенскаго собора трижды называетъ имя царевны Софіи Алексеевны и каждый разъ — вместе съ именемъ царевны Татианы Михайловны. Такимъ образомъ, «Сказаніе» предстаетъ единственнымъ источникомъ монастырскаго происхожденія, отразившимъ объективную исторію царскаго попеченія о Новомъ Иерусалимѣ въ серединѣ 1680-хъ гг. После 1689 г., когда правительница Софія была низложена и заточена въ Новодевичій монастырь, эта исторія корректировалась умолчаніемъ о благодеяніяхъ царевны.

Основная часть Описи 1685 г. включает разделы, соответствующие ее титульному листу [74, л. 188], где сказано, что 18 марта 1685 г. по указу царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и по грамоте из приказа Сыскных дел велено дьяку Борису Остолопову Воскресенского монастыря, что на Истре, строение Святейшего Никона Патриарха, описать. Окончание текста из-за утраты бумаги сохранилось фрагментарно, однако ясно, что исполнителям следовало сверить с прежними описями и описать заново каменные и деревянные постройки монастыря, его ризницу, книжное собрание, хозяйственные запасы и прочее. Это и было сделано под руководством Б.И. Остолопова³².

Опись 1685 г., хранящаяся в РГАДА и отождествленная А.Г. Авдеевым в 2001 г. с подлинником, остается пока единственным полным списком данного документа. Он включает оба «Описания» и скреплен на полях тремя автографами: «Ди-як Бо-рис Ос-то-ло-пов. Стр-ои-тель ста-рець Серь-гий. Каз-на-чей ие-ро-мо-нахъ Варъ-ламъ». Вызывает вопрос отсутствие подписи настоятеля монастыря. Не означает ли это, что список сделан после кончины архим. Никифора?

Сообщение «Сказания» о В.В. Голицыне как заказчике «подписаний», чертежа и обмеров «великой церкви» побуждает видеть в князе почитателя Патриарха Никона и ценителя его иконического творчества. Не случайно в декоре домовой церкви князя использовались изразцы, изготовленные по формам, взятым из Воскресенского монастыря [8, с. 229–232]. Этот храм в Охотном ряду был освящен Патриархом Иоакимом в 1687 г. во имя вмц. Параскевы Пятницы, поскольку на этом месте с начала XV в. стояла церковь с таким посвящением. Но, что тоже не случайно, верхний придел нового храма был освящен в честь Воскресения Словущего.

В хороммах В.В. Голицына находилась парсуна Патриарха Никона, которая после опалы князя в 1690 г. была взята вместе с другим имуществом в Царскую казну, а затем передана в Высоко-петровский мо-

³² Остолопов Борис Иванов — дьяк Патриаршего двора в 1671/72 — 1673/74, 1696/97 — 1699/1700 гг.; с 1674/75 по 12 апреля 1676 г. дьяк в Севске; в 1678/79 гг. — 1689/81 дьяк Ямского приказа; в 1679/80 г. у Денежного сбора; в 1684/85 в Сыском приказе; с марта 1687 г. по 5 апреля 1699 г. дьяк Патриаршего разряда [9, с. 391]. Род Б.И. Остолопова внесен в Синодик Воскресенского монастыря.

настырь [23]³³. «Портретная галерея» в доме В.В. Голицына изобиловала парсунами, в том числе польскими и немецкими, однако в данном случае речь идет о предназначавшейся для молитв «верхней Крестовой палате», где был устроен иконостас, в образах которого доминировала тема Крестной жертвы Спасителя. Там же находилась парсуна Патриарха Иоакима, однако изображение Святейшего Никона помещалось рядом с парсунной царя Феодора Алексеевича, и оба портрета были закрыты завесой подобно особо чтимым святыням [11, с. 558–559].

Парсуна Первосвященителя выполнена на деревянной основе в «тафтяной» технике. Лицо и руки написаны масляными красками на атласном шелке, облачение, амвон и фон представляют собой аппликацию из разных тканей и золоченой бумаги.

Аналогичный портрет Патриарха Никона находился и в Новом Иерусалиме; согласно Описи 1685 г. он помещался в ротонде храма Воскресения Христова:

А по лѣвую сторону в обходѣ церковном персону Святѣйшаго Патриарха Никона на полотнѣ, изображена живописнымъ письмомъ; ризы и одежда накладное с кѣмъ карлужнымъ [54, с. 240]³⁴.

Парсуна упоминается в монастырской записи об исцелении, полученном в обители 3 апреля 1685 г. дворянкой Марией Васильевной Волковой, сестрой жены окольного Р.М. Стрешнева. Аналогичная запись о прозрении слепого сторожа Диомида включает характерную деталь: отперев собор, сторожа клали висячие замки и ключи на полку за парсунной Патриарха Никона [47, с. 104–105]. Изображение в соборном храме «фундатора» обители воспринималось и почиталось как образ Небесного хранителя и распорядителя «мѣсту сему».

«Сказание» и Опись 1685 г. запечатали «будущим на память родом» то значение архитектуры, святынь и убранства «великой церкви» Нового Иерусалима, которое сформулировал Иоанн Шушерин. По его словам, Патриарх Никон основал этот храм «во славу и честь Христу Богу нашему, и в похвалу Российскому государству, понеже

³³ Ныне парсуна хранится в собрании Государственного Исторического музея (Москва).

³⁴ Парсуна утрачена после закрытия Воскресенского монастыря в 1919 г.

в та лѣта таковыя преизрядныя церкви величеством и подобием, и изрядными многими вещами, наподобие Иерусалимския Церкви, не обрѣташеся нигдѣ» [52, с. 115].

Киев с его собором Святой Софии был «второй Иерусалим» и «возводил ум» к Константинополю, также «второму Иерусалиму». Новый Иерусалим под Москвой был не «второй», а Новый: он создавался как преображенное подобие Святой земли и храма Гроба Господня, отражающее вечный первообраз — Иерусалим Небесный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Авдеев А.Г. Елеонский крест Патриарха Никона // Ставрографический сборник. М.: Древлехранилище, 2001. Книга I. Сб. ст. С. 271–278.
- 2 Авдеев А.Г. Книжники и книжность Ново-Иерусалимского монастыря в последних десятилетиях XVII — начале XVIII века // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. ст. М.: Лето, 2011. Вып. III / сост. и науч. ред. Г.М. Зеленская. С. 70–84, 378–379.
- 3 Авдеев А.Г. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории Московской Руси: дис. ... д-ра ист. наук. Т. I: Исследование. М., 2018. 1268 с.
- 4 Авдеев А.Г. Ставрографические заметки // Ставрографический сборник. М.: Древлехранилище, 2005. Книга III. Сб. ст. С. 295–314.
- 5 Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность: Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 363 с.
- 6 Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), архим. Выписки из подробной описи имуществу Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, 1680 года // Известия Императорского Археологического общества. Т. IV. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1863. С. 25–60.
- 7 Бадеев Д.Ю., Русаков П.Е., Майорова Е.В. Старый деревянный дворец и каменные палаты Ново-Иерусалимского монастыря: археологические исследования 2009–2011 гг. // Российская археология. 2013. № 1. С. 59–67.
- 8 Баранова С.И. «Разсадник изразцового дела в России» (к вопросу о новоиерусалимских аналогиях в изразцовом декоре Москвы 2-й половины XVII века) // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. ст. / ред.-сост. Г.М. Зеленская. М.: Северный паломник, 2002. С. 225–234.
- 9 Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
- 10 Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М.: Наука, 1990. 336 с.
- 11 Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Грачева и К°, 1895. Ч. 1. 759 с.
- 12 Зеленская Г.М. Внутреннее убранство надвратной церкви Входа Господня в Иерусалим Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в XVII–

- ХІХ веках // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» / сост. и науч. ред. Г.М. Зеленская. М.: Лето, 2011. Вып. III. С. 188–205, 392–393.
- 13 Зеленская Г.М. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь в XVII — начале XXI века // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. науч. ст. / ред.-сост. Г.М. Зеленская. М.: Лето, 2011. Вып. III. С. 236–275, 398–400.
- 14 Зеленская Г.М. Елеонская часовня в Новом Иерусалиме // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. ст. / ред.-сост. Г.М. Зеленская. М.: Лето, 2005. Вып. II. С. 233–246.
- 15 Зеленская Г.М. Монументальные кресты Нового Иерусалима // Ставрографический сборник. М.: Изд-во Московской Патриархии; Изд-во «Древлехранилище» 2002. Книга II: Крест в Православии. Сб. ст. / сост., науч. ред. и вступ. ст. С.В. Гнутовой. С. 181–194.
- 16 Зеленская Г.М. Наследство и наследники воскресенского архимандрита Германа // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. науч. ст. / ред.-сост. Г.М. Зеленская. М.: Лето, 2011. Вып. III. С. 85–117, 379–384.
- 17 Зеленская Г.М. Описи XVII века Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря как исторический источник // «СВОЕ» и «ЧУЖОЕ» В КУЛЬТУРЕ: Сборник статей и материалов всероссийской заочной научной международной конференции с международным участием «Человек и мир человека». Барнаул; Рубцовск: Изд-во Алтайского ун-та, 2011. С. 447–470.
- 18 Зеленская Г.М. «Преграды церковные» Воскресенского собора в XVII веке // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. ст. / ред.-сост. Г.М. Зеленская. М.: Северный паломник, 2002. С. 144–154.
- 19 Зеленская Г.М. Символика изразцов Нового Иерусалима. М.: Индрик, 2012. 400 с. URL: https://patriarh-nikon.ru/site-content/document/zelen/simbol_kniga.pdf (дата обращения: 03.04.2024).
- 20 Зеленская Г.М. Святые Нового Иерусалима. М.: Северный паломник, 2002. 430 с.
- 21 Зеленская Г.М., Севастьянова С.К. Корпус надписей Патриарха Никона на «святых вещах»: вопросы текстологии и архитектурно-художественного оформления // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 20 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 479–547. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-479-547>
- 22 Игошев В.В. Серебряная рака для мощей святой Екатерины из Синайского монастыря работы московских мастеров 1687–1688 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2010. Вып. 1 (1). С. 30–44.
- 23 Исследование и реставрация парсуны патриарха Никона: материалы научно-практического семинара. М.: ГИМ, 2006. 56 с.
- 24 Калишевич З.Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 392–411.

- 25 *Кантєрев Н.* Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до половины XVIII столетия // Православный Палестинский сборник. СПб., 1985. Т. 15. Вып. 1. 509 с.
- 26 *Кищук А.А., Овсянников О.В.* Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова. СПб.: Невская тип., 2019. С. 156–182.
- 27 *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.
- 28 *Лепяхин В.* Литургийность иконообраза // Православные храмы: в 3 т. М.: ФГУП ЦПП, 2004. Т. 1: Идея и образ. МДС 31-9. 2003/АХЦ «Арххрам». 332 с.
- 29 *Милов А.В.* Русско-польская война 1654–1667. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с. (Фонд военного искусства. Войны Московского государства)
- 30 *Рогожкина Е.И.* Царские вклады из драгоценных металлов и камней в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь в XVII веке // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. ст. М.: Лето, 2005. Вып. II / сост. Г.М. Зеленская; науч. ред. Г.М. Зеленская, Н.А. Кочеляева. С. 190–198.
- 31 *Севастьянова С.К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с.
- 32 *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 612 с.
- 33 *Соколова И.М.* Новый Иерусалим в Кремле. Незавершенный замысел царя Федора Алексеевича // Художественные памятники Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Московский Кремль, 2003. Вып. XVI. С. 53–63.
- 34 *Уминский Алексей, прот.* Божественная Литургия. Объяснение смысла, значения, содержания. М.: Никея, 2012. 160 с.
- 35 *Филаткина Н.А.* А.С. Пушкин, Н.Н. Гончарова, М.Ю. Лермонтов (в «хитро-сплетениях» матримониальных связей) // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. XXII. М., 2018. С. 286–289.
- 36 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: Изд-е Книжного магазина М.А. Голубева, 1914. Т. 1. 898 с.
- 37 *Черепнин Л.В.* Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. XVII. С. 454–481.

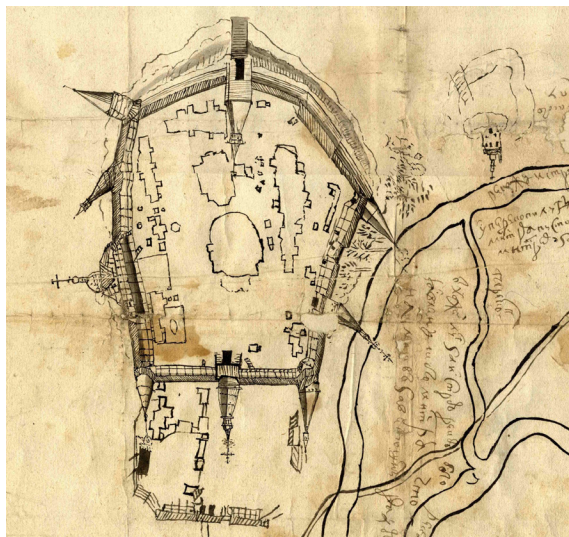
Источники Издания

- 38 Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные о. архимандритом Леонидом / РИБ. Т. V. Петербург: Тип. Эттингера, 1878. 655 с.
- 39 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. IV. 500 с.

Ил. 1. Господь Вседержитель с припадающими
святителем Филиппом и Святейшим Патриархом Никоном.
Икона 1657 г. Дерево, темпера. ГИХМ «Новый Иерусалим»

Ill. 1. Lord Almighty with those who fall
Saint Philip and His Holiness Patriarch Nikon. Icon of 1657.
Wood, tempera. State Historical and Art Museum "New Jerusalem"

Ил. 2. Карта Воскресенского монастыря с окрестностями; фрагмент.
Конец 1670-х гг. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Вотчинные записки. № 19192

Ill. 2. Map of the Resurrection Monastery with the surroundings area; fragment.
Late 1670s. RSAАА, f. 1209, inv. 77. Patrimonial notes, no. 19192

Ил. 3. Модель храма Гроба Господня в Иерусалиме.
Палестина, первая половина XVII в. Кипарис, перламутр, слононая кость.
ГИХМ «Новый Иерусалим»

Ill. 3. Model of the Church of the Holy Sepulcher in Jerusalem.
Palestine, the 1st half of the 17th century. Cypress, mother of pearl, ivory.
State Historical and Art Museum "New Jerusalem"

Ил. 4. Святейший Патриарх Иоаким.

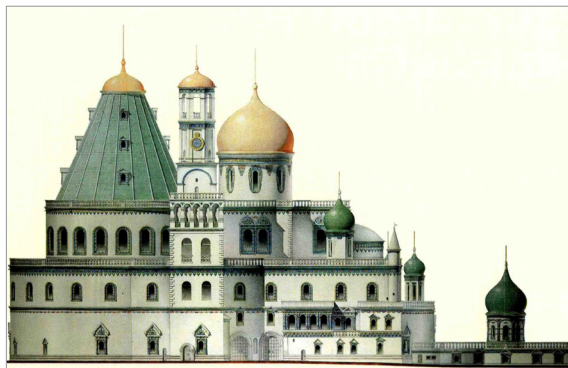
Художник Карп Золотарев. 1677/78 г. Холст, масло.

Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

Ill. 4. Patriarch of Moscow and All Rus' Joachim.

Artist Karp Zolotarev. Portrait. 1677/78. Oil on canvas.

Tobolsk State Historical and Architectural Institute Museum-Reserve

Ил. 5–6. Архитектор Л.Э. Тепфер.

Восточный (вверху) и южный фасад Воскресенского собора.

Реконструкция на середину 1680-х гг.

Первая половина 1980-х гг. Бумага, акварель.

Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим»

Ill. 5–6. Architect L.E. Tepfer.

The eastern (above) and southern facades of the Resurrection Cathedral.

Reconstruction in the mid-1680s. The first half of the 1980s. Paper, watercolor.

State Historical and Art Museum “New Jerusalem”

Ил. 7. Портрет самодержицы Софии Алексеевны.
Неизвестный художник. 1682–1689 гг. Холст, масло.
Государственный Русский музей

Ill. 7. Portrait of autocrat Sofia Alekseevna.
Unknown artist. 1682–1689. Canvas, oil.
State Russian Museum

Ил. 8. Портрет царя Иоанна Алексеевича.
Неизвестный художник. XVIII в. Холст, масло. Сергиево-Посадский
государственный историко-художественный музей-заповедник

Ill. 8. Portrait of Tsar Ivan Alekseevich.
Unknown artist. 18 century Canvas, oil. Sergiev Posadsky
State Historical and Art Museum-Reserve

Ил. 10. Святейший Патриарх Никон.
Тафтяная парсуна, принадлежавшая В.В. Голицыну.
Мастер Иван Волтырь. Оружейная палата, Москва.
Около 1682 г. Дерево, бумага, ткань, атлас, темпера, масло.
Государственный Исторический музей, Москва

Ill. 10. His Holiness Patriarch Nikon.
Taffeta parsuna, принадлежавшая В.В. Голицыну.
Master Ivan Voltyr. Armory Chamber, Moscow.
About 1682. Wood, paper, fabric, satin, tempera, oil.
State Historical Museum, Moscow

Ил. 11. Изразцовый иконостас Успенского придела Воскресенского собора.
Начало 1660-х гг. Иконы современного письма

Ill. 11. Tiled iconostasis of the Assumption chapel of the Resurrection Cathedral.
Early 1660s. Modern writing icons

Ил. 12. Центральный иконостас Воскресенского собора.
Утрачен в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
Восстановлен в середине 2010-х гг.

III. 12. The central iconostasis of the Resurrection Cathedral.
It was lost during the Great Patriotic War, 1941–1945.
It was restored in the mid 2010 s.

Илл. 13. Воскресенский собор. Притвор придела
Воздвижения Креста Господня на Святой Голгофе.

Изразцовый портал XVII в.

Возможно, первоначально располагался в Царской арке
ротонды Гроба Господня, откуда был перенесен на Голгофу в XVIII в.

Ill. 13. The Resurrection Cathedral. The porch of the chapel
The Exaltation of the Cross of the Lord on Holy Calvary.

The tiled portal of the 17th century.

Perhaps it was originally located in the Royal Arch of the rotunda of the Holy Sepulchre,
from where it was transferred to Golgotha in the 18th century

Ил. 14–15. Придел Воздвижения
Креста Господня на Святой Голгофе.

Крест в меру Креста Господня
с резным изображением Распятия.

Общий вид и фрагмент с ликом
Христа Спасителя.

Конец 1650-х — начало 1660-х гг.

Ил. 14–15. The Chapel of the Exaltation
of the Cross of the Lord
on Holy Calvary.

A cross in the measure of the Holy
Cross with a carved image
of the Crucifixion.

A general view and a fragment with
the face of Christ the Witness.

The end of the 1650s — the beginning
of the 1660s.

Ил. 17. Шатер над ротондой Гроба Господня.
Утрачен в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
Восстановлен в середине 2010-х гг.

Ill. 17. The tent above the rotunda of the Holy Sepulchre.
It was lost during the Great Patriotic War of 1941–1945.
It was restored in the mid-2010s.

Ил. 16. Кувуклия Гроба Господня в Новом Иерусалиме.
Навершие часовни восстановлено в 2012 г.

Ill. 16. Edicule of the Holy Sepulchre in New Jerusalem.
The finial of the chapel restored in the 2012s.

Ил. 18. Владимирская икона Божией Матери.
Мастерская царицы Евдокии Лукьяновны. 1630–1640-е гг.
Бархат, холст; шелковые, пряденые золотные и серебряные нити, трунцал

III. 18. Vladimir Icon of the Mothe of God.
Workshop of Queen Evdokia Lukyanovna. 1630–1640s.
Velvet, canvas; silk, spun gold and silver threads, truntal

Ил. 19. Гробница Патриарха Никона в Воскресенском соборе
III. 19. Tomb of Patriarch Nikon in the Resurrection Cathedral

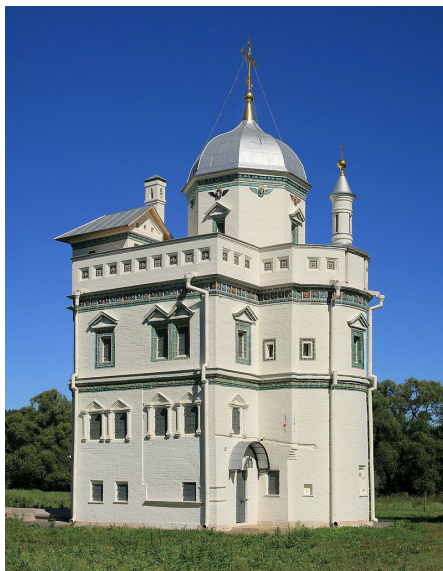
Ил. 20. Матерь Божия Воплощение. Покровец на потир. Третья четверть XVII в.
Камка, атлас, шёлковые, пряденые серебряные и золотные нити, жемчуг,
драгоценные камни, жемчужный бисер, золото. Вклад царевны Татианы Михайловны
в Воскресенский монастырь в 1685 г. ГИХМ «Новый Иерусалим»

Ill. 20. Mother of God Incarnation. Pokrovets for the chalice. Third quarter of the 17th century.
Damask, satin, silk, spun silver and gold threads, pearls, precious stones, pearl beads, gold.
Contribution of Princess Tatiana Mikhailovna to the Resurrection Monastery in 1685.
State Historical and Art Museum "New Jerusalem"

Ил. 21. Христос во гробе. Покров на литургические сосуды. Третья четверть XVII в.
Камка, атлас, холст, шёлковые, пряденые серебряные и золотные нити,
сканные нити, жемчуг, жемчужный бисер. Вклад царевны Татианы Михайловны
в Воскресенский монастырь в 1685 г. ГИХМ «Новый Иерусалим»

Ill. 21. Christ in the tomb. A large veil over the liturgical vessels. The third quarter
of the 17th century. Kamka, satin, canvas, silk, spun silver and gold threads, woven threads,
pearls, pearl beads. The contribution of Tsarevna Tatiana Mikhailovna to the
Resurrection Monastery in 1685. The State Historical and Art Museum "New Jerusalem"

Ил. 22. Богоявленская пустынь Патриарха Никона. Создана в 1658 г., перестроена в 1662 г.

Ill. 22. Epiphany Hermitage of Patriarch Nikon.
Created in 1658, rebuilt in 1662

Ил. 23. *Неизвестный художник.*
Внутренний вид летней кельи
Патриарха Никона на кровле
Богоявленской пустыни.
1850-е гг. Бумага, акварель,
графитный карандаш

Ill. 23. *Unknown artist.*
Interior view of the summer cell of
Patriarch Nikon on the roof of the
Epiphany Hermitage. 1850s.
Paper, watercolor, graphite pencil.

Ил. 24. Панорама Воскресенского монастыря.
Современный вид на Галилею — северную часть Русской Палестины

Ill. 24. Panorama of the Resurrection Monastery.
Modern view of Galilee — northern part of Russian Palestine

- 40 Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), архим. Описание Воскресенской Ново-иерусалимской библиотеки. М.: Синод. тип., 1875. 214 с.
- 41 Архив юго-западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше утвержденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть первая. Т. V. Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620–1694 г.). Киев: Губернская тип., 1872. 488 с.
- 42 Буланин Д.М. Никифор Евдокимов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3, ч. 2: XVII в.: И—О. С. 383–384.
- 43 Бусева-Давыдова И.Л., Николаева М.В. «Белорусская резь»: «высочайшая степень совершенства» // Белорусы Москвы. XVII век / сост. О.Д. Баженова, Т.В. Титова. Минск: Беларус. Энцикл. імя П. Броўкі, 2013. С. 238–251. (Энциклопедия раритетов).
- 44 Витсен Николаас. Путешествие в Московию, 1664–1665. Дневник / пер. со староголланд. В.Г. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с.
- 45 Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М.: Синод. тип., 1908. 312 с.
- 46 Дворцовые разряды. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1855. Т. IV. (С 1676 по 1701 г.). 1158 стб.
- 47 «Дела свят. Никона патриарха, паче же рещи Чудеса врачевная». Приложения // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 1. Раздел V. Смесь. С. 101–114.
- 48 Дело о Патриархе Никоне: издание Археографической комиссии по документам Московской синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1897. 453 с.
- 49 Досифей (Немчинов), архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального 1-кл. Соловецкого монастыря. М.: Унив. тип., 1853. Ч. 1–3. 696 с.
- 50 <Зверинский В.В.> Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: с библиографическим указателем / сост. и изд. В.В. Зверинский. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1897. Т. III: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. 259 с.
- 51 <Извеков Н.Д., прот.> Московские Кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII век: Церк.-ист. археол. исслед. прот. Моск. при двор. Благовещ. собора Н.Д. Извекова. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1906. 268 с. (Московская церковная старина. Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, издаваемые под редакцией председателя Комиссии А.И. Успенского. Т. 2)
- 52 Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шущериным / предисл. архим. Леонида (Кавелина). М.: Изд. Воскресенского монастыря, 1871. 119 с.

- 53 Историческое исследование дела патриарха Никона: Сост. по официальным документам Н. Гиббенет. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1882. Ч. 1. 270 с.
- 54 Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. М.: Изд. Воскресенского монастыря, 1876. 767 с.
- 55 Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. Т. 1: Стихотворения / отв. ред. тома Н.Г. Охотин. 776 с.
- 56 Лукашова С.С. Гедеон // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. Т. 10. С. 517–519.
- 57 Николаева М.В. Материалы к словарю резчиков, токарей и столяров Оружейной палаты и приказа Большого дворца // Белорусы Москвы. XVII век / сост. О.Д. Баженова, Т.В. Белова. Минск: Беларус. Энцикл. імя П. Броўкі, 2013. С. 364–396. (Энциклопедия раритетов)
- 58 Патриарх Никон. Труды / науч. иссл., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 1300 с.
- 59 Писарев Н. Домашний был русских патриархов. Приложения. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1904. 170 с.
- 60 Проскинитарий Арсения Суханова. 1649–1653 гг. // Православный Палестинский сборник. СПб., 1889. Т. VII. Вып. 3. 390 с.
- 61 Псалтирь с Часословом. М.: Печатный двор, 1658. 515 л.
- 62 *Святитель Афанасий Великий, Архиепископ Александрийский*. Творения: в 3 т. Т. 1: Творения апологетические, догматико-полемические и историко-полемические. Прил.: *Иером. Кирилл (Лопатин)*. Учение святого Афанасия Великого о Святой Троице. М.: Сибирская Благовонница, 2015. 864 с. (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 8)
- 63 Симон Ушаков — царский изограф / Гос. Третьяковская галерея. М., 2015. 528 с.
- 64 Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / ред.-сост. И.А. Кочетков. М.: Индрик, 2003. 816 с.
- 65 Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: В тип. С. Селивановского, 1826. Ч. 4. 678 с.
- 66 Титов А.А. Летопись Двинская. М.: Изд. П.А. Фокина, 1889. 248 с.
- 67 Требник. М.: Печатный двор, 1658. 515 л.
- 68 Требник. М.: Печатный двор, 1680. 446 л.
- 69 Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в.: [публикация и исследование] / отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 416 с.
- 70 Церковная проповедь на двенадцатые праздники: Слова, беседы, поучения святых отцов и учителей Церкви и известнейших писателей церковных / сост. Петр Смирнов, прот. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1904. Ч. 1. 862 с.

- 71 Чистякова М.В. Монахини с «Белой Роси» // Белорусы Москвы. XVII век / сост. О.Д. Баженова, Т.В. Титова. Минск: Беларус. Энцикл. імя П. Броўкі, 2013. С. 216–229. («Энцыклопедыя рарытэтов»)

Рукописи

- 72 Воскресенский монастырь с окрестностями. Чертеж последней трети XVII в. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Вотчинные записки. № 19192.
- 73 Главная опись Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленная в 1875 году. Ч. 1. Опись соборного храма Воскресения Христова и заключающихся в ней придельных церквей // РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 32.
- 74 Опись Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 1685 г. составлена дьяком Сысного приказа Борисом Ивановичем Остолоповым // РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 4. Д. 5092.
- 75 Опись церковного и монастырского имущества и книгохранилища Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря 1679 года, учиненная по указу царя и Великого князя Феодора Алексеевича Московского и всея России. Список XIX в. // ГИХМ «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880.

REFERENCES

- 1 Avdeev, A.G. “Eleonskii krest Patriarkha Nikona” [“The Olivet Cross of Patriarch Nikon”]. *Stavrograficheskii sbornik* [Stavrographic Collection], book I. Collection of Articles. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2001, pp. 271–278. (In Russian)
- 2 Avdeev, A.G. “Knizhniki i knizhnost’ Novo-Ierusalimskogo monastyrja v poslednikh desiatiletiakh XVII — nachale XVIII veka” [“Scribes and Bookishness of the New Jerusalem Monastery in the last decades of the 17th — early 18th Centuries”]. *Nikonovskie chteniia v muzee “Novyi Ierusalim”*. [Nikon Readings at the New Jerusalem Museum]. Collection of Articles. Moscow, Leto Publ., 2011, pp. 70–84, 378–379. (In Russian)
- 3 Avdeev, A.G. *Pamiatniki lapidarnoi epigrafiki kak istochnik po istorii Moskovskoi Rusi: dis. ... d-ra ist. nauk. T. I: Issledovanie* [Monuments of Lapidary Epigraphy as a Source on the History of Moscow Russia: DSc of Historical Sciences Thesis, vol. I: Research]. Moscow, 2018. 1268 p. (In Russian)
- 4 Avdeev, A.G. “Stavrograficheskie zametki” [“Stavrographic Notes”]. *Stavrograficheskii sbornik* [Stavrographic Collection], book III. Collection of Articles. Moscow, Drevlekhranilishhe Publ., 2005, pp. 295–314. (In Russian)
- 5 Avdeev, A.G. *Starorusskaia epigrafika i knizhnost’*. *Novo-Ierusalimskaia shkola epigraficheskoi poezii* [Old Russian Epigraphy and Book Culture. New Jerusalem School of Epigraphic Poetry]. Moscow, PSTGU Publ., 2006. 363 p. (In Russian)
- 6 Amfilohii (Sergievskii-Kazancev), arhim. “Vypiski iz podrobnoi opisi imushchestvu Voskresenskogo Novoierusalimskogo monastyrja, 1680 goda” [“Extracts from a Detailed Inventory of the Property of the Resurrection New Jerusalem Monastery,

- 1680”]. *Izvestiia Imperatorskogo Arheologicheskogo obshchestva* [News of the Imperial Archaeological Society], vol. IV. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1863, pp. 25–60. (In Russian)
- 7 Badeev, D.Iu., and P.E. Rusakov, and E.V. Maiorova. “Staryi dereviannyi dvorets i kamennye palaty Novo-Ierusalimskogo monastyrja: arheologicheskie issledovaniia 2009–2011 gg.” [“Old Wooden Palace and Stone Chambers of New Jerusalem Monastery: Archaeological Research 2009–2011”]. *Rossiiskaia arheologiia*, no. 1, 2013, pp. 59–67. (In Russian)
- 8 Baranova, S.I. “Razsadnik izraztsovogo dela v Rossii (k voprosu o novo-ierusalimskikh analogiiakh v izraztsovom dekore Moskvy 2-i poloviny XVII veka)” [“‘A Hotbed of Tile Making in Russia’ (on the Issue of New Jerusalem Analogies in the Tiled Decor of Moscow in the 2nd Half of the 17th Century)”]. *Nikonovskie chteniia v muzee “Novyi Ierusalim”* [Nikon Readings at the “New Jerusalem Museum”]. Collection of Articles, ed.-comp. G.M. Zelenskaia. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2002, pp. 225–234. (In Russian)
- 9 Veselovskii, S.B. *D’iaki i pod’iachie XV–XVII vv.* [Deputies and Clerks of the 15th–17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 607 p. (In Russian)
- 10 Veselovskii, S.B. *Rod i predki A.S. Pushkina v istorii.* [Family and Ancestors of A.S. Pushkin in History] Moscow, Nauka Publ., 1990. 336 p. (In Russian)
- 11 Zabelin, I.E. *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiiakh* [Home Life of Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries], part 1. Moscow, Tip. Gracheva i K^o Publ., 1895. 759 p. (In Russian)
- 12 Zelenskaia, G.M. “Vnutrennee ubranstvo nadvratnoi tserkvi Vhoda Gospodnia v Ierusalim Voskresenskogo Novo-Ierusalimskogo monastyrja v XVII–XIX vekah” [“Interior Decoration of the Gate Church of the Entry of the Lord into Jerusalem of the Resurrection New Jerusalem Monastery in the 17th–19th Centuries”]. *Nikonovskie chteniia v muzee “Novyi Ierusalim”* [Nikon Readings at the “New Jerusalem Museum”], ed.-comp. G.M. Zelenskaia, iss. III. Moscow, Leto Publ., 2011, pp. 188–205, 392–393. (In Russian)
- 13 Zelenskaia, G.M. “Voskresenskii Novo-Ierusalimskii monastyr’ v XVII — nachale XXI veka” [“Resurrection New Jerusalem Monastery in the 17th — the Early 19th Century”]. *Nikonovskie chteniia v muzee “Novyi Ierusalim”* [Nikon Readings at the “New Jerusalem Museum”]. Collection of Scient. Articles, ed.-comp. G.M. Zelenskaia, iss. III. Moscow, Leto Publ., 2011, pp. 236–275, 398–400. (In Russian)
- 14 Zelenskaia, G.M. “Eleonskaia chasovnia v Novom Ierusalime” [“Chapel of Olives in New Jerusalem”]. *Nikonovskie chteniia v muzee “Novyj Ierusalim”* [Nikon Readings at the “New Jerusalem Museum”]. Collection of Articles, iss. II. Moscow, Leto Publ., 2005, pp. 144–154, 233–246. (In Russian)
- 15 Zelenskaia, G.M. “Monumental’nye kresty Novogo Ierusalima” [“Monumental Crosses of the New Jerusalem”]. *Stavrograficheskii sbornik. Kniga II: Krest v Pravoslavii* [Staurographic Collection. Book II: Cross in Orthodoxy]. Moscow, Moskovskaia Patriarkhiia Publ.; Drevlekhranilishche Publ., 2002, pp. 181–194. (In Russian)

- 16 Zelenskaia, G.M. "Nasledstvo i nasledniki voskresenskogo arhimandrita Germana" ["Inheritance and Heirs of the Resurrection Archimandrite Herman"]. *Nikonovskie chteniia v muzee "Novyi Ierusalim"* [Nikon Readings at the "New Jerusalem Museum"]. Collection of Scient. Articles, ed.-comp. G.M. Zelenskaia, iss. III. Moscow, Leto Publ., 2011, pp. 85–117, 379–384. (In Russian)
- 17 Zelenskaia, G.M. "Opisi XVII veka Voskresenskogo Novo-Ierusalimskogo monastyria kak istoricheskii istochnik" ["Inventory of the 17th Century of the Resurrection New Jerusalem Monastery as a Historical Source"]. "SVOE" i "ChUZhOE" V KUL'TURE: Sbornik statei i materialov vserossiiskoi zaochnoi nauchnoi mezhdunarodnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Chelovek i mir cheloveka" ["OWN" and "ALIENS" IN CULTURE: Collection of Articles and Materials of the All-Russian Correspondence Scientific International Conference with International Participation "Man and the Human World"]. Barnaul, Rubtsovsk, Altay University Publ., 2011, pp. 447–470. (In Russian)
- 18 Zelenskaia, G.M. "Pregrady tserkovnye' Voskresenskogo sobora v XVII veke" ["Church barriers' of the Resurrection Cathedral in the 17th Century"]. *Nikonovskie chteniia v muzee "Novyi Ierusalim"* [Nikon Readings at the "New Jerusalem Museum"]. Collection of Articles, ed.-comp. G.M. Zelenskaia. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2002, pp. 144–154. (In Russian)
- 19 Zelenskaia, G.M. *Simvolika izraztsov Novogo Ierusalima* [Symbolism of the New Jerusalem Tiles]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 400 p. Available at: https://patriarh-nikon.ru/site-content/document/zelen/simbol_kniga.pdf (Accessed 03 April 2024).
- 20 Zelenskaia, G.M. *Sviatyni Novogo Ierusalima* [Shrines of New Jerusalem]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2002. 430 p. (In Russian)
- 21 Zelenskaia, G.M., and S.K. Sevast'ianova. "Korpus nadpisei Patriarkha Nikona na 'sviatskh veshchakh': voprosy tekstologii i arkhitekturno-khudozhestvennogo oformleniia" ["Corpus of Patriarch Nikon's Inscriptions on 'Sacred Things': Questions of Textology and Architectural and Artistic Design"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 20. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 479–547. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-479-547> (In Russian)
- 22 Igoshev, V.V. "Serebrianaia raka dlia moshchei sviatoi Ekateriny iz Sinaiskogo monastyria raboty moskovskikh masterov 1687–1688 gg." ["Silver Shrine for the Relics of St. Catherine from the Sinai Monastery, Made by Moscow Craftsmen, 1687–1688"]. *Vestnik PSTGU. Seriya V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*. [Bulletin of PSTGU. Series B. Questions of the history and theory of Christian art], iss. 1 (1), 2010, pp. 30–44. (In Russian)
- 23 *Issledovanie i restavratsiia parsuny patriarkha Nikona: materialy nauchno-prakticheskogo seminara* [Research and Restoration of Parsuna of Patriarch Nikon: Materials of a Scientific and Practical Seminar]. Moscow, GIM Publ., 2006. 56 p. (In Russian)
- 24 Kalishevich, Z.E. "Khudozhestvennaia masterskaia Posol'skogo prikaza v XVII v. i rol' zolotopistsev v ee sozdanii i deiatel'nosti" ["Art Workshop of the Ambassadorial

- Order in the 17th Century and Role of Gold Writers in Its Creation and Activities”]. *Russkoe gosudarstvo v XVII veke. Novye iavleniia v sotsial'no-ekonomicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi zhizni* [Russian State in the 17th Century. New Phenomena in Socio-Economic, Political and Cultural Life]. Collection of Articles. Moscow, Izdatel'stvo AS USSR Publ., 1961, pp. 392–411. (In Russian)
- 25 Kapterev, N. “Snosheniia Ierusalimskikh patriarkhov s russkim pravitel'stvom s poloviny XVI do poloviny XVIII stoletiiia” [“Relations between Jerusalem Patriarchs and Russian Government from the Half of the 16th Century to the Half of the 18th Century”]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik* [Orthodox Palestinian Collection], vol. 15, iss. 1. St. Petersburg, 1985. 509 p. (In Russian)
- 26 Kishchuk, A.A., and O.V. Ovsiannikov. “Iz istorii pomorskogo letopisaniia kontsa XVII — nachala XVIII v.: ‘letopis’ i risunki Ivana Pogorel'skogo” [“From the History of Pomor Chronicle of the late 17th — the Early 18th Centuries: ‘Chronicle’ and Drawings by Ivan Pogorelsky”]. *Zemlia nasha velika i obil'na: sbornik statei, posviashchennyi 90-letiiu A.N. Kirpichnikova* [Our Land is Great and Abundant: a Collection of Articles Dedicated to the 90th Anniversary of A.N. Kirpichnikov]. St. Petersburg, Nevskaiia tipografiia Publ., 2019, pp. 156–182. (In Russian)
- 27 Kochegarov, K.A. “Rech' Pospolitaia i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o Vechnom mire”. [“Rzeczpospolita and Russia in 1680–1686. Conclusion of the Treaty of Perpetual Peace”]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 504 p. (In Russian)
- 28 Lepahin, V. “Liturgiinnost' ikonoobraza” [“Liturgiinnost' ikonoobraza”]. *Pravoslavnye khramy* [Orthodox Churches]: in 3 vols., vol. 1. Idea and Image. MDS 31-9. 2003/AHC “Arhhram.” Moscow, FGUP TSPP Publ., 2004. 332 p. (In Russian)
- 29 Milov, A.V. *Russko-pol'skaia voina 1654–1667* [Russian-Polish War 1654–1667]. Moscow, Tseikhgauz Publ., 2006. 48 p. (In Russian).
- 30 Rogozhkina, E.I. “Tsarskie vklady iz dragotsennykh metallov i kamnei v Voskresenskii Novo-Ierusalimskii monastyr' v XVII veke” [“Royal Deposits of Precious Metals and Stones into the Resurrection New Jerusalem Monastery in the 17th Century”]. *Nikonovskie chteniia v muzee “Novyi Ierusalim”* [Nikon Readings at the “New Jerusalem Museum”]. Collection of Articles, ed.-comp. G.M. Zelenskaia, ed. G.M. Zelenskaia, N.A. Kocheliaeva, iss. II. Moscow, Leto Publ., 2005, pp. 190–198. (In Russian)
- 31 Sevastianova, S.K. *Epistoliarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovanie i teksty* [Epistolary Legacy of Patriarch Nikon. Correspondence with Contemporaries: Research and Texts]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 776 p. (In Russian)
- 32 Sedov, P.V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka* [Decline of Muscovite Kingdom: Tsar's Court at the End of the 17th Century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 612 p. (In Russian)
- 33 Sokolova, I.M. “Novyi Ierusalim v Kremle. Nezavershennyi zamysel tsaria Fedora Alekseevicha” [“New Jerusalem in the Kremlin. Unfinished Plan of Tsar Fyodor Alekseevich”]. *Khudozhestvennye pamiatniki Moskovskogo Kremliia. Materialy i*

- issledovaniia* [Artistic Monuments of the Moscow Kremlin. Materials and Research], iss. XVI. Moscow, Moskovskii Kreml' Publ., 2003, pp. 53–63. (In Russian)
- 34 Uminskii, Aleksei, prot. *Bozhestvennaia Liturgiia. Ob"iasnenie smysla, znacheniia, soderzhaniia* [Divine Liturgy. Explanation of Meaning, Significance, Content]. Moscow, Nikeia Publ., 2012. 160 p. (In Russian).
- 35 Filatkina, N.A. A.S. "Pushkin, N.E. Goncharova, M.Iu. Lermontov (v 'khitrospleteniiakh' matrimonial'nykh sviazei)" ["In the 'Intricacies' of Matrimonial Ties"]. *Kadashevskie chteniia* [Kadashevsky Readings]. Sbornik докладов konferentsii [Collection of Conference Reports]. XXII. Moscow, 2018, pp. 286–289. (In Russian)
- 36 Harlampovich, K.V. *Malorossiiskoe vliianie na velikorusskuiu tserkovnuiu zhizn'* [Little Russian Influence on Great Russian Church Life], vol. 1. Kazan', Izdanie Knizhnogo magazina M. A. Golubeva Publ., 1914. 898 p. (In Russian)
- 37 Cherepnin L.V. "Materialy po istorii russkoi kul'tury i russko-shvedskikh kul'turnykh sviazei XVII v. v arkhivakh Shvetsii" ["Materials on the History of Russian Culture and Russian-Swedish Cultural Relations of the 17th Century in Swedish Archives"], *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, vol. XVII, Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1961, pp. 454–481. (In Russian)

Информация об авторе: Галина Митрофановна Зеленская — научный консультант, Государственный Историко-художественный музей «Новый Иерусалим». Ново-Иерусалимская наб., д. 1, 143500 Московская обл., г. Истра, Россия.

E-mail: gali.zelenskaia@yandex.ru

Information about the author: Galina M. Zelenskaya, Scientific Consultant, The State Historical and Art Museum "New Jerusalem," Novo-Jerusalem embankment, 1, 143500 Moscow region, Istra, Russia.

E-mail: gali.zelenskaia@yandex.ru

Для цитирования: Зеленская Г.М. «Сказание об освящении великой каменной церкви» в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима 18 января 1685 г. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 518–568. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-518-568>

© 2024, Г.М. Зеленская

For citation: Zelenskaya, G.M. "Tale of the Consecration of the Great Stone Church in the Resurrection Monastery of New Jerusalem January 18, 1685." *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 518–568. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-518-568>

© 2024, Galina M. Zelenskaya